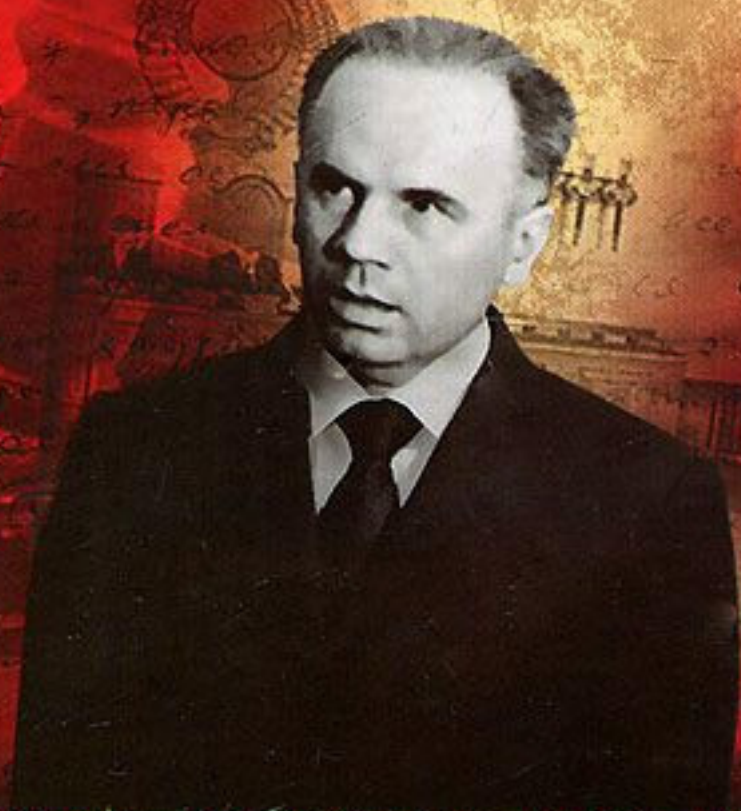

Олег Смыслов

ИУДЫ В ПОГОНАХ

АНТОЛОГИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Олег Сергеевич Смыслов
Иуды в погонах
Серия «Антология предательства»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=438035
Иуды в погонах / О.С. Смыслов: Вече; Москва; 2010
ISBN 978-5-4444-0009-8

Аннотация

Власов, Таврин-Политов, Пеньковский, Калугин, Резун и Беленко. Что объединяет всех этих людей? Только одно: они изменили присяге и предали свою страну. О жизненном пути и «подвигах» «иуд в погонах» рассказывает новая книга Олега Смылова.

Содержание

ОТ АВТОРА	4
«АГЕНТ ВЛИЯНИЯ» ИЛИ СВАДЕБНЫЙ ГЕНЕРАЛ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Олег Смыслов

Иуды в погонах

Маленькому Лёлику посвящаю...

ОТ АВТОРА

Не секрет, что однажды в России Петром I была учреждена награда за предательство.

По его личному указанию 4 сентября 1709 года на Кадашевском монетном дворе в Москве русский мастер Матвей Алексеев изготовил специальную медаль из серебра весом в четыре килограмма и с цепью весом 800 грамм. На лицевой стороне был изображён повесившийся на осине Иуда, а внизу под ним – десять серебрянников рядом с мешком. На обратной стороне было написано: «Треклят сын погибельный Иуда, еже за сребролюбие давится».

Эта награда предназначалась всего лишь одному предателю – «украинскому Гетману Мазепе», которого предстояло поймать, наградить и предать анафеме. Но в связи со смертью Мазепы медаль была передана алчному на серебро петровскому шуту князю Шаховскому с наказом царя носить при торжествах «на большой серебряной цепи, надевавшейся кругом шеи...».

Как вы совершенно правильно поняли, эта книга рассказывает о предателях и о предательстве. Все её, так скажем, «герои» – люди, известные в отечественной и даже мировой истории. И не только спецслужб. Все они носили военную форму, а некоторые даже генеральские лампасы, все торжественно принимали военную присягу (клятву), и тем не менее однажды бес их всё-таки попутал. Потому и соответствующее название.

Когда я приступил к работе, то очень сильно переживал по поводу чужих оценок, которые мог нечаянно повторить. Но поверьте, пока писал эту книгу, сам узнал очень много нового. О чём не только никогда не говорили, но даже и не писали.

Несмотря на однозначность юридической и моральной оценки каждого из этих предателей и перебежчиков, всё же у кого-то вполне может возникнуть некое сиюминутное желание пожалеть. Но вы только не торопитесь. Это всего лишь самообман. Каюсь, ведь я и сам попал в «сети» одного из них...

«АГЕНТ ВЛИЯНИЯ» ИЛИ СВАДЕБНЫЙ ГЕНЕРАЛ

1

Бывший главный редактор «Военно-исторического журнала» генерал-майор В. Филатов в девяностые годы, теперь уже прошлого столетия, попытался разобраться, «сколько было лиц у генерала Власова». Но получилось так, что весь его разбор свёлся к интерпретации событий и слов. Например, в своей книге он приводит слова Благовещенского (одного из сподручных А.А. Власова), сказанные им на закрытом судебном заседании 30 июля 1945 г., а именно: «Я признаю себя виновным частично. В обвинительном заключении указано, что после капитуляции гитлеровской Германии Благовещенский бежал в зону американских войск и предпринял попытки вступить в переговоры по предоставлению убежища членам КОНР (Комитет освобождения народов России. – В.Ф.). Это не соответствует действительности, а наоборот, сам лично добровольно явился и сдался органам Советской власти.

В антисоветскую организацию, возглавляемую Власовым, я вступил, хотя и не имел на это прямых указаний от советских органов, с целью подрыва этой организации изнутри, с целью разлагательской работы. Свою деятельность на оккупированной немцами территории полностью признаю» (1).

Словом, стоило Благовещенскому не совсем ясно выразить свою мысль, как спустя десятилетия генерал Филатов принялся размышлять на тему «прямых указаний от советских органов». Дальше – больше! В. Филатов подчёркивает форму Власова, которая резко отличалась от формы «его Вооружённых Сил». А именно: «Власов носил свою собственную форму, отличную как от немецкой, так и от РОА, – френч военного образца с большими накладными карманами и шинель без погон, но брюки с лампасами. Излюбленная поза при разговорах с людьми – большой палец правой руки засунут под борт френча или шинели на груди, а ладонь поверх борта» (2).

И здесь он пытается убедить читателя в некой «независимости» Власова от его хозяев...

Прекрасно понимая, что «у нас в стране генерал Власов, бесспорно, предатель № 1», а «на Западе генерал Власов, бесспорно, борец № 1 со Сталиным», Филатов не без умысла спрашивает: «Почему тех, с кем генерал Власов предавал Родину, он называет не иначе как “охвостьем” и “подонками”?» (3).

И вот оно, долгожданное предложение генерала от журналистики: «Отчего всё-таки не посмотреть, хоть одним глазком, на генерала Власова не как на предателя № 1, а как, допустим, на русского генерала Власова, выполнявшего, к примеру, в Германском великом рейхе специальное задание?» (4).

Кроме того, предложение подкрепляется ещё и ссылкой на исследование «Иуды» – «Власовцы на службе фашизма», где говорится следующее: «Взаимоотношения марионеточной “освободительной” армии со своими “хозяевами” были довольно сложными и запутанными. Командование вермахта в целях пропаганды, стремясь придать РОА “патриотический, добровольческий” характер, на всех перекрёстках объявляло о самостоятельности “команды Власова”, дескать, лучшие представители русского народа да и сам народ восстали против Советов. Но... заставляло представителей вермахта держать командование и личный состав РОА под неусыпным строжайшим наблюдением, на любом участке иметь своих инструкторов и наблюдателей, а для пущей надёжности сделать и “освободителей”

агентами и осведомителями гестапо. Отнюдь не случайно в материалах, хранящихся в уголовном деле Власова и его сообщников, множество разноречивых показаний» (5).

По личному мнению (однозначному и бесповоротному) генерала Филатова, Власов «берёт на себя ещё большую вину...». Тут надо отметить, что у генерала Филатова фантазия достаточно богатая, и он не без подвоха, как ему кажется, снова спрашивает: «Почему действительно так странно ведёт себя на допросе Власов? Он же не враг себе...» (6)

Пребывание Власова в Китае В. Филатов комментирует так: «Группу военных советников в Китае возглавлял комдив Черепанов – разведчик до мозга костей. Вскоре его “почему-то” “внезапно” отозвали в Москву, и Власова “почему-то” назначили на его место. Но если рядовым советником действительно может быть любой толковый офицер, то на должности руководителя группы военных советников даже очень толковый армейский офицер может быть только, скажем так, гипотетически. Почему? Потому что во все времена эта должность была за ГРУ. Что это значит? Это значит, Власова зачем-то “натаскивали” на работу с “коллективом сослуживцев” по руководству громадной “русской колонией” в условиях чужой и враждебной страны, но при этом “коллектив сослуживцев”, “ядро” не должно знать, кто он на самом деле и какова его роль вообще».

«Позарез требовался нам “свой человек” в Берлине – в вермахте и в СС, в гестапо и в канцелярии Гитлера... Выбор пал на Власова. Почему? Во-первых, изъяз в автобиографии – окончил духовное училище, учился в духовной семинарии, а это значит, притесняем большевиками, изгой, то есть заклятый враг большевиков. Во-вторых, более 10 лет сидел в одном и том же полку – значит, затираем большевиками. В-третьих, служил в штабах, да ещё в отделах боевой подготовки, в двух самых важных для немцев наших военных округах. Заполучить такого офицера – мечта каждой разведки.

Китай в то время кишмя кишел немцами и японцами. Расчёт был на немцев. Власов должен был повести себя в Китае так, чтобы им заинтересовались именно немцы» (7).

Ещё один «аргумент» по Филатову – это партбилет Власова, который он почти всю войну «на всякий случай» держал при себе.

«А почему бы партийный билет, – пишет генерал, – который Власов пронёс буквально у сердца все годы, находясь среди немцев, не “прочитать” так: “Я, Власов, никогда не изменял линии партии, никогда не уклонялся от генеральной линии партии: ни в 30#е – в битве с троцкистами, ни в 40#е – в битве с фашистами”»?

Надо знать, что такое был партийный билет для людей того героического времени. Все успехи свои личные и Родины в целом они справедливо связывали непременно с партией. Лишиться партийного билета для настоящего партийца было личной трагедией, катастрофой. Куда смотрело ГРУ, когда инструктировало в последний раз Власова? ГРУ смотрело правильно. Очень хорош был бы Власов, заявись он к немцам без партбилета. Власов без партбилета у немцев – это не Власов из ГРУ».

Словом, откровенно, прямо, без лишних сантиментов генерал В. Филатов выкладывает нам свою версию событий далёкого прошлого, по сути, переворачивая с ног на голову всю историю Великой Отечественной войны.

Он даже знает, когда Власова ГРУ планировало забросить к немцам: «После 22 июня 1941 года, но 22 июня 1941 года Гитлер напал на СССР, началась Великая Отечественная война. Пошла другая игра...»

Таким образом, пленение Власова Филатов объясняет не иначе как внедрением в стан врага. А как же иначе, ведь «Власов в этой связи – замысел всеславянский, сгусток вековой мудрости русских, результат непрерывной борьбы русских с иноземными захватчиками, в которой бывало всё: отвага и хитрость, самопожертвование, скрытое и явное, битва “на миру”, в которой “и смерть красна”, и битва потаённая, не видимая даже для самых родных глаз, в которой свои, родные считают тебя врагом наизлейшим. Вот по этим чертежам был

создан Власов. На это ушли годы. “Конструкция” “изделия” была проверена в условиях “космических” перегрузок. Прежде чем “уйти” к немцам, его провели в буквальном смысле слова через “огни, воды и медные труды”. Выдержал!

Генерал Власов – суперкласс разведки. Он – создание интеллекта неординарного. Сегодня разведчики этого уровня имеют точное название – “агент влияния”» (8).

Вот так вот, дорогие господа и товарищи! Ни много ни мало, а можно и диссертацию защищать.

Со временем у генерал-майора В. Филатова появятся и последователи, позаимствовавшие его идею.

Один из них в 2007 году опубликует статью с весьма любопытным названием «Генерал Власов выполнял личные указания Сталина».

«К 1942 году, – пишет её автор С. Лекарев, – в плену у немцев оказались более 4 миллионов красноармейцев. Угроза переброски этого, не ждавшего милости от советской власти контингента на фронт или (что ещё хуже) в тыл могла стать губительной для Красной Армии...

В начале января 1942 года ГРУ Генштаба продолжило операцию по подставе Абверу генерала Власова. Использовался богатый довоенный опыт по созданию легендированных антисоветских организаций (операция “Трест”) для внедрения в политические и секретные структуры противника. Сталин дал своё согласие, после чего руководство этой стратегической операцией перешло в ведение его личной разведки...

Взять под контроль и нейтрализовать угрозу использования немцами в своих интересах пленных красноармейцев было решено сделать с помощью Власова.

Подобные операции обычно начинаются с создания соответствующих благоприятных условий. Для этого 8 января 1942 года на одном из участков Ленинградского фронта на немецкую сторону под видом парламентария перешёл военинженер 1#го ранга Иван Иванович Иванов в сопровождении двух капитанов. При встрече с уполномоченным командующего вермахтом Иванов уведомил последнего о том, что в Ленинграде существует группа высокопоставленных заговорщиков, в состав которой входят лица из числа командования войсками. Эта группа якобы готова на борьбу с коммунизмом.

После этого Власову было поручено возглавить находившуюся в безнадёжном положении 2#ю ударную армию. Именно на этот заведомо обречённый участок и направили генерал-лейтенанта А.А. Власова. Во вторую ударную его привезли Лаврентий Берия и Климент Ворошилов...

Расчёт делался на скорое пленение такого важного генерала немцами. С целью увеличения значимости Власова в глазах немцев он был назначен и заместителем командующего Волховским фронтом» (9).

Пленение Власова автор объясняет не иначе как «завершением гроссмейстерской партии ГРУ – результатом десятилетней кропотливой работы многих блестящих умов и выдающихся талантов».

В заключение С. Лекарев говорит следующее: «Дальнейшие события официальная пропаганда преподнесла так – генерал-изменник А. Власов добровольно сдался в плен. Со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Однако было несколько исключений из стандартных в подобных случаях правил. Обычно родственники «изменников Родины», занимавших высокое социальное положение, подвергались жесточайшим репрессиям. Как правило, их уничтожали в ГУЛАГе. В данной ситуации всё было с точностью до наоборот. Кроме того, после того как Власов оказался у немцев, НКВД и СМЕРШ, по поручению Сталина, провели тщательное расследование ситуации, сложившейся со Второй ударной армией. Результаты были положены на стол Сталину, который пришёл к выводу – признать несостоятельность обвинений, выдвинутых против генерала Власова в гибели 2#й ударной армии и в его военной неподготовленности...

Власов был объявлен во всесоюзный розыск и находился в розыске вплоть до 1946 года» (10).

Скажите, пожалуйста, как можно вообще это комментировать? Люди с богатой и, видимо, очень разнообразной фантазией пытаются не просто переписать историю Великой Отечественной войны. Они желают запудрить мозги, прежде всего молодому поколению, высосанным из пальца бредом сумасшедшего. По-другому эти «опусы» лично я назвать не могу. Их авторы словно издеваются и над нами, и над нашей историей.

В 2006 году генерал-майор Филатов уже «С фронтов Еврейской Империи» сообщает нам свежую новость: «Есть Вторая мировая война, которую знают все. И есть Вторая мировая война, которую знали только генерал Сталин и его генерал – Власов. Эту войну они вели вдвоём. Когда впервые в журнале “Молодая гвардия” появились главы из книги “Сколько лиц было у генерала Власова”, в редакцию пришло письмо за подписью начальника ГРУ – Главного разведывательного управления. В официальной бумаге начальник ГРУ урезонивал автора: оказывалось, что по его личному указанию самым тщательным образом была проверена вся картотека на разведчиков ГРУ. Генерал Власов в картотеке ГРУ не значится. Начальник ГРУ был совершенно прав, хотя никто его не тянул за язык и журнал не запрашивал сведений о генерале Власове у ГРУ» (11).

И тем не менее и в этих, и в других публикациях Власову придают значения гораздо больше, чем он весил от природы. Так выгодно тем, кто уже нажил или только собирается нажить капитал на имени Иуды.

Бредовые идеи сегодня, как никогда, пользуются спросом. Нужно только очень постараться. И многие стараются, лезут на потолок, выворачиваются наизнанку, а сами не понимают абсолютно простых вещей, которые можно уяснить, только лишь получив высшее военное образование, прослужив не только в полках, но и в больших штабах. А как же иначе? Словом, опять-таки знания, умения и навыки в военном деле. Без этого ни Власова, ни других персонажей из Красной Армии, да и не только, понять и оценить очень сложно. Городить же огород, придумывать анекдоты – дело, для истории вредное.

В ней и так наврали «с три короба», да развенчать эту ложь удаётся с огромным трудом благодаря кропотливой работе всего лишь немногих, бесспорно, одарённых и талантливых первопроходцев.

«Ледоколы» же некомпетентности или вольного обращения с историческими фактами – опасная тенденция нового столетия...

По мнению писателя Н. Коняева, «исследователи личности генерала Власова искажают “информационно-духовное поле”... Дело доходит до курьёзов... Когда в книжном магазине спрашивают, есть ли книга про генерала, продавец задаёт встречный вопрос – а вам нужна книга про какого Власова – борца со сталинизмом, коммуниста или предателя? Оказывается, об этой исторической личности уже написаны книги на любой вкус» (12).

Так что два лица (или множество лиц) генерала Власова на сегодняшний день вовсе не байка. Вот только душа у него была всего лишь одна...

Не от масок ли генерала, как гримасы истории, появился прежде «командир-стахановец», потом предатель, потом «освободитель от Сталина», а теперь ещё и «агент влияния»?

2

Почему-то почти все биографы Власова считают, что, не стань он предателем, его ожидала и в дальнейшем блестящая карьера полководца. «Сложись история иначе, и “Красная звезда” регулярно отмечала бы круглые даты одного крупного военачальника, – пишет Л. Млечин. – Он, правда, и без того вошёл в историю, но совсем не так, как ему хотелось. В определённом смысле ему сильно не повезло. А то мог бы закончить войну с маршальскими

звёздами на погонах. И со временем захоронили бы урну с его прахом в Кремлёвской стене, назвали бы в его честь одну из улиц в Москве. Но получилось иначе» (13). А ведь история не любит сослагательного наклонения. В ней всё, что было, так и остаётся. Вот только мы пытаемся додумать её на своё собственное усмотрение, переписать, а зачем? Чтобы увидеть в ней то, что нам хочется... А надо ли это делать?

По поводу светлого будущего Власова «бабка надвое сказала», ведь своей карьерой Андрей Андреевич был обязан прежде всего репрессиям, ну а затем маршалу Тимошенко и самому Сталину. Но даже великие не однажды ошибаются. Жизнь, она и есть жизнь!

Будущий генерал родился «1 сентября 1901 г. в с. Ломакино Гагинского района, Горьковской области /с. Ломакино, Покровской волости, Сергачёвского уезда, Нижегородской губ. / в семье крестьянина#кустаря» (14).

Сравнивая записи его личного дела с записями в учётно-послужных картах (15), можно убедиться в несоответствии дат приказов о назначении Власова на многочисленные должности. Тем не менее, чтобы как-то восполнить этот пробел, мы ознакомимся со справкой на командира 99#й стрелковой дивизии комбрига Власова А.А., составленной по материалам личного дела и подписанной интендантом 3-го ранга Бородиным 28 февраля 1940 года. В ней указано: «Тов. ВЛАСОВ Андрей Андреевич.

Занимаемая должность и звание Командир 99 стрелковой дивизии. КОМБРИГ.

Награды Орден «Красное Знамя» в 1939 г. (16)

Социальное положение и происхождение (о родителях подробно)

Служащий-студент, из семьи кустика-портного, занимавшегося и сельским хозяйством. Хозяйство было середняцким.

Год и место рождения, национальность 1901 г. рождения, село Ломакино, бывш. Покровской вол., Сергачёвского уезда, Нижегородской губ. Русский.

Образование: а) общее Школа II ступ. в 1918 г. и 4 курс университета в 1919 г. (17)

б) военное Пех. Ком. курсы в 1920 г., КУКС «Выстрел» в 1929 г.

Связь с границей Не имеет.

Время вступления в ВКП/б/ с 1930 г. п/б. обр. 1936 г. № 0471565

Выбывал ли из ВКП (б), когда и почему Не выбывал.

Состоял ли в других партиях, каких, когда Не состоял.

Политические колебания и партвзыскания (какие, когда и где) Политических колебаний не имел, партвзысканиям не подвергался.

Партполитхарактеристика

Партии ЛЕНИНА – Сталина и Социалистической родине предан. Идеологически и морально устойчив. В партийной работе принимает активное участие. Работает над повышением своего идейно-политического уровня. Был на руководящей партийной работе. Чуткий и отзывчивый товарищ. Пользуется авторитетом среди парторганизации.

Аттестация

В военном отношении хорошо подготовленный командир. Работая командиром полка, много работал над ликвидацией вредительства, повысил дисциплину. Занятия с комначсоставом проводит методически правильно, живо и поучительно. Большой силы воли и с хорошими организаторскими способностями командир. Находясь в правительственной командировке, проявил себя с положительной стороны.

Служба в старой армии (время, должность и чин) Не служил.

Служба в белой армии, пребывание в плену, нахождение на территории белых (когда, где, в какой должности)

В белой армии не служил, в плену не пребывал, на территории белых не находился.

Участие в гражданской войне и должность В 1920 г. против Врангеля – командиром взвода и в 1921 г. против банд в Донецкой, Воронежской и Харьковской областях.

Ранения и контузии, где, когда Не имеет.

Работа в прошлом и служба в РККА
(с начала трудовой деятельности)

Год и месяц ... НАЗВАНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ ИЛИ КАКУЮ РАБОТУ ВЫПОЛНЯЛ

1915 1917 Учился в духовной семинарии – г. Нижний Новгород

1917 1919 Ученик 2#й Нижегородской Трудшколы 2 ступени

1919 5. 192 °Студент Агро-факультета Нижегородского ...

5. 1920 6. 1920 Красноармеец 27 Приволжского стрелкового полка

11. 1920 4. 1921 Сотрудник штаба тылового района 2 Донецкой...

4. 1921 6. 1922 Комвзвода, пом. ком. роты 27 запасного стрелкового полка

6. 1922 8. 1922 Ком. взвода 5 Петроградского стрелкового полка

8. 1922 2. 1926 Пом. ком. роты и ком. роты 26 стрелкового полка

2. 1926 11. 1928 Начальник школы 26 стрелкового полка.

11. 1928 4. 1929 Слушатель курсов усовершенствования «Выстрел»

4. 1929 12. 1930 Ком. батальона 26 стрелкового полка.

12. 1930 4. 1932 Преподаватель тактики Ленинградской школы комсостава запаса.

4. 1932 3. 1933 Пом. нач. учебной школы Детскосельской объединённой школы.

3. 1933 3. 1936 Пом. начальника 2 отдела Штаба ЛВО

3. 1936 8. 1937 Начальник учебной части Ленинградских курсов военных переводчи-

ков.

8. 1937 4. 1938 Командир 133 /бывш. 215/ стрелкового полка.

4. 1938 6. 1938 Помощник командира 72 стрелковой дивизии.

6. 1938 10. 1938 Начальник 2 отдела Штаба Киевского Особого Военного округа.

10. 1938 11. 1939 В особой командировке.

11. 1939 1. 194 °Состоящий в распоряжении Управления по Начсоставу Красной Армии /находился в отпуске после командировки/.

1. 1940 Командир 99 стрелковой дивизии...» (18)

В другой справке «О прохождении службы Командиром 99#й Стрелковой дивизии КОВО комбригом Власовым Андреем Андреевичем», составленной начальником отдела нач-состава КОВО – полковником Горшковым обозначаются сроки в должностях:

«В РККА с “5” Мая 1920 года.

В должностях начсостава с “—” октября 1920 года.

ЗАНИМАЛ ОСНОВНЫЕ ДОЛЖНОСТИ:

Красноармеец, курсант «—» лет «5» мес.

Командир взвода «1» лет «—» мес.

Командир роты «4» лет «5» мес.

Начальник полковой школы «3» лет «1» мес.

Командир батальона «1» лет «8»мес.

Преподаватель тактики и Пом. нач. учебного отдела норм. шк. «2» лет «3» мес.

Пом. Н-ка 1#го сектора 2 отдела штаба округа «2» лет «—» мес.

Пом. начотдела боевой подготовки штаба округа «1» лет «5» мес.

Командир полка «—» лет «10» мес.

Начальник 2#го отдела штаба округа «—» лет «4» мес.

Командир стрелковой дивизии «1» лет «8» мес...» (19)

Когда началось восхождение Власова к вершинам его карьеры?

Судя по данным личного дела, в 1937 году, когда он был назначен командиром полка (сначала исполняющим должность), так как без прохождения этой ступени он бы вряд ли был бы назначен помощником командира дивизии, а уж тем более и командиром дивизии.

Вне строя он прослужил (преподавателем и в штабах) до этого назначения более семи лет. То есть человек долгие годы был оторван от службы в боевых частях. Всё это время он занимался чтением лекций и бумажной работой, которая несколько далека от повседневной рутины частей и соединений того же Ленинградского округа.

Кстати сказать, некоторые биографы банально путаются, когда приписывают Власову командование двумя полками: 215#м и 133#м. На самом деле это один и тот же полк, у которого однажды поменялась нумерация. В личном деле это отмечено.

Но всё по порядку.

На сегодняшний день считается, что при введении персональных военных званий Власову было присвоено «высокое стартовое звание» – майор (январь 1936 года, приказ НКО СССР № 0391). (20)

«Присвоение персональных военных званий в 1935–1936 гг. явилось важным этапом в укреплении положения комначсостава РККА, – пишет О. Сувениров. – Но, по мнению многих командиров, оно явилось и своеобразной чисткой армии. Значительно сужен был контингент лиц, отнесённых к командному составу. Сюда теперь входили командир, его заместитель по строевой части и начальник штаба. Все остальные получали военные звания интендантского, инженерного и т. п. состава. У профессиональных военных это вызывало значительное недовольство. Многие получили персональные военные звания и соответствующие им знаки различия значительно ниже носимых ранее по занимаемой должности и соответствующей служебной категории. Преподаватель Военно-химической академии Какоулин заявил по этому поводу: «Молодею с каждым днём, скоро буду лейтенантом». Недовольство высказывалось и в сфере высшего комсостава. Начальник кафедры тактики Военно-транспортной академии В.С. Лазаревич был явно раздосадован тем, что ему присвоили звание «только» комдива. На просьбу дать материалы для командирской учёбы он заявил: «Я теперь комдив, и с меня спрашивают только как с начальника кафедры, больше я ничего не знаю».

Остро ощущались и переживания многих командиров, связанные с неизменным проведением «классового подхода» в явно гипертрофированной форме. Начальник Инженерного правления РККА Н.Н. Петин получил высокое звание «комкор». Но ведь всё познаётся в сравнении. Его коллеге – начальнику АБТУ РККА И.А. Халепскому присвоили ещё более высокое звание – командарма 2#го ранга. И Петин жаловался своему заместителю Смирнову: «Разве нам с тобой, Серёжа, можно было ждать чего-нибудь хорошего, ведь ты поп, а я бывший офицер».

Весьма болезненно реагировали командиры, особенно молодые, на проявление откровенной грубости, а то и неприкрытого хамства со стороны старших начальников. Это началось буквально с первых дней создания армии «нового типа». Многие искренне полагали, что с отменой военных званий и знаков различия, ликвидацией титулования всякая вежливость является чуть ли не дурным тоном. Негативно влиял и чрезвычайно низкий общеобразовательный уровень подавляющего большинства выдвинутых «с низов» командиров, даже не представлявших себе, что обращение начальника с подчинённым может быть вполне вежливым. И когда кое-кто всё-таки высказывал сетования по поводу излишней грубости со стороны тех или иных начальников, они не без гордости отвечали: «Мы университетов (вариант: академиев) не кончали». Выступая на совещании в ПУРе в феврале 1935 г., начальник Военно-политической академии Б.М. Иппо говорил: «Значительная часть слушателей не отвечает требованиям. Мы в наших академиях вынуждены обучать людей арифметике,

самому элементарному правописанию. Ведь он ещё пишет не “донесение”, а “донисение”, он ещё пишет не “взвод”, а “звод”.

Зато “матерный язык” такие, не обременённые культурой, командиры осваивали чуть ли не в совершенстве...» (21)

К слову, сам Власов «академиев» не заканчивал, но при этом слыл «виртуозным матерщинником», а ещё отличался «поразительной неграмотностью», то есть писал с чудовищными ошибками. «Власов писал со множеством грамматических и орфографических ошибок», – напишет в своей книге Л. Млечин (22). Но зато он был «в доску» свой, из крестьян-середняков села Ломакино. В белых и иностранных армиях не служил, в других партиях не состоял, в старой армии не служил, на территории, занятой белыми, не был, в плену во время Гражданской войны не был, в оппозициях и антипартийных группировках не участвовал. В общем, свой на все сто!

Пётр Григорьевич Григоренко оказался непосредственным свидетелем присвоения новых званий. В частности, он пишет: «Дело в том, что знаки различия для званий были оставлены те же самые, что носились по должностям (квадраты, прямоугольники, ромбы). Но звания давали (по знакам) значительно ниже должностных. Бывали даже случаи, когда человек, носивший по должности три ромба, по званию вынужден был одевать три квадрата. Померанцев вместо трёх ромбов одел по званию один. Вишнеревский вместо двух – тоже один. Оба этих присвоения относились к числу “счастливых” случаев. Как правило, бывало хуже. Бывало немало случаев, когда человек получал не только более низкие знаки, но и интендантское звание, что для командного состава было оскорбительно. Многие старались скрыть свои новые знаки. Широко, в холодное время года, стали пользоваться бекешами, на меховые воротники которых петлицы не нашивались. Ходили всяческие горькие шуточки. Начальник штаба УРа (у Померанцева), получивший звание первым в УРе, вместо двух ромбов одел один и на следующий день шутил: “У моего сына в школе ребята спрашивают – что теперь твой папа носит? – а он – один ромб и одну дырочку”. Другие на подобный вопрос отвечали: “Две шпалы... на двух петлицах”. Была масса обиженных. Был даже случай, опубликованный в приказе наркома обороны, когда офицер отказался от присвоения ему звания. И нарком без зазрения совести писал об этом офицере в приказе: “Всю свою службу околачивался в штабах”. Этим он пытался обосновать оскорбительно низкое звание, но унизил штабную службу. Помню, какое невыгодное впечатление произвёл этот приказ на штабных командиров. Их теперь официально отнесли к второстепенным военным работникам.

Высокие командирские звания получали лишь те, кто всё время командовал. Годы учёбы, служба в штабах и тылах, преподавательская работа не только не учитывались для званий, а влияли отрицательно. Звания присваивали центральные комиссии. Одну возглавлял Будённый, другую Тимошенко. Рассказы о работе этих комиссий передавали из уст в уста. Вот, например, Будённый открывает заседание. Мелкий военный чиновник докладывает прохождение службы. Например: в армии пять лет. Командовал взводом, ротой, недавно назначен командиром батальона. Будённый изрекает “майор”. Все соглашаются. Никто даже фамилией не интересуется. В то же время военнообразованные, знающие своё дело начальники штабов дивизий, начальники оперативных отделов корпусов тоже очень часто получали звание майора. А вот доклад о другом кандидате. Подпоручик старой армии, участник Гражданской войны, на штабных должностях; окончил военную академию, сейчас преподаёт в ней. Будённый: давно служит, но как-то всё где-то по закоулкам. Дадим ему полковника интендантской службы. Человеку нанесена самая тяжкая обида.

Интендант по-тогдашнему – это вроде не военный. Я лично знал молодого человека с тремя ромбами. Он работал в Управлении Боевой Подготовки Красной Армии инспектором физической культуры и спорта. Ожидая звания, он был буквально больным:

“Дадут мне интенданта”, – сокрушался он. И как же он радовался, когда ему дали старшего лейтенанта, т. е. три квадрата вместо трёх ромбов. Но оскорбительные интендантские звания давали широко, распространённо. Я видел начальников штабов полков и дивизий, начальников оперативных отделов дивизий и корпусов с интендантскими званиями. Это было оскорбление людям, но это было и унижение важнейших должностей, подрыв престижа этих должностей. О людях с интендантскими званиями, какой бы они пост ни занимали, презрительно говорили: “У него три шпалы на зелёном поле” (на зелёных петлицах). Да что иное и могли сделать “икона с усами”, как назвал Будённого генерал Шарабурко, “дубовый маршал”, как звали в армии Тимошенко. Им и подобным вверили это ответственное дело, чтобы они натворили побольше недовольных и тем помогли выявить тех, кто способен не соглашаться с начальством, не говорить “спасибо”, когда плюют в глаза. Впоследствии многие из арестованных офицеров рассказывали, что одним из обвинений было: “Проявил недовольство полученным званием и высказывал критические суждения”» (23).

А Власова оценили на «майора», всё-таки командовал взводом, ротой, батальоном. Правда, был и на преподавательской работе, служил в штабе.

Согласно Постановлению ЦИК и СНК Союза ССР от 22 сентября 1935 г. № 19/2135 (24), срок пребывания в звании «лейтенант» устанавливался – три года, срок пребывания в звании «старший лейтенант» – три года и в звании «капитан» – четыре года. Словом, для получения звания «майор» было необходимо в соответствии с занимаемой должностью прослужить всего лишь десять лет. Власов на момент аттестации после окончания пехотной школы прослужил пятнадцать! А значит, ещё целых пять лет вроде бы как пересидел.

В штабе Ленинградского округа Власов служил в отделе боевой подготовки (хотя некоторые авторы продолжают связывать цифру «2» с разведотделом), а затем его назначают на должность начальника учебной части курсов военных переводчиков (иногда пишется «учебного отдела»). Но парадокс заключается в том, что сам Власов владел иностранным языком даже не как «пользователь», а гораздо хуже: «Немецкий: читает и пишет со словарём, говорит с трудом» (25).

В переводе же майора Власова из Ленинградского округа в Киевский на должность командира стрелкового полка удивительного ничего нет. Где-то в 1936 году у Андрея Андреевича завязался пылкий роман с некой Юлией Осадчей (по другим данным, Ульяной), итогом которого стали рождение дочери и подача его подругой документов на выплату алиментов. «Однако возникший скандал, – считает П. Пальчиков, – на фоне продолжавшихся в стране репрессий оказался ничемным и не повредил карьере краскома. Видимо, не до мелочей тогда было: ограничились переводом в другой военный округ» (26).

Но неужели вы думаете, что Власову не хватило бы места в ЛенВО? Ведь только за семь месяцев (с июня по декабрь 1938 г.) в штабе ЛенВО были арестованы 22 работника штаба. «Кроме того, по политическим мотивам и «практической нецелесообразности» 36 человек были уволены из РККА, а 38 штабистов переведены на работу в части» (27).

Более того, в результате репрессий в 1939 году рядом дивизий в ЛенВО командовали даже капитаны (28). То есть должности там, в строю, бесспорно, были.

В Киевском округе Власов исполняет должность командира стрелкового полка (с августа 1937 г.). Только в феврале 1938 года его утверждают в этой должности.

Мне удалось выяснить некоторые детали этого назначения.

С марта 1937 года 133#м полком командовал Наум Семёнович Пиказин. Он родился в 1898 году в Кишинёве. В 1921 г. окончил 4#ю Киевскую артиллерийскую школу, в 1923 г. – артиллерийское отделение Высшей объединённой школы им. Главкома С.С. Каменева в г. Киев, в 1927 г. – Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе, в 1931 г. – артиллерийское отделение на Курсах технического усовершенствования начсостава Центрального управления РККА. В межвоенный период проходил службу на следующих должностях: комиссар 56#х

Черниговских пехотных курсов комсостава, командир артиллерийского взвода и врид комиссара учебного отряда 25#й стрелковой дивизии, комиссар 15#х пехотных командных курсов, помощник комиссара учебного отряда Высшей Объединённой военной школы им. Каменева, врид командира батареи гаубичного артиллерийского дивизиона 1#го конного корпуса, командир батареи артдивизиона 45#й территориальной стрелковой дивизии 14#го стрелкового корпуса, заместитель командира дивизиона, начальник штаба артполка 1#й Кавказской стрелковой дивизии, врио командира полка, начальник 3#го отдела, помощник начальника 6#го отдела, с мая – начальник сектора 2#го управления Штаба РККА. В феврале 1931 г. Пиказин был переведён в 5#е управление Штаба РККА, где исполнял должность начальника 6#го сектора, а затем был назначен начальником 2#го отдела.

С января 1935 г. – инспектор, с апреля 1936 г. – старший инспектор в Группе контроля при НКО СССР. На этих должностях Наум Семёнович «проявил себя как очень способный, быстро схватывающий дело работник. Хорошее общее развитие, большой опыт работы в Штабе РККА, личные способности позволяют ему быстро осваиваться с новыми вопросами» (29).

Лишь один был «недостаток» у полковника Пиказина – он был евреем. В январе 1938 года, после того как он подготовит Власова в качестве командира полка, его переведут на незначительную должность начальника военно-хозяйственного снабжения 96#й стрелковой дивизии КВО. А Власова будет ждать очередной взлёт. В апреле 1938 г. его назначают помощником командира 72#й стрелковой дивизии, а в мае этого же года – исполняющим должность начальника 2#го отдела (боевой подготовки) штаба КВО.

До Андрея Андреевича эту должность занимал Константин Степанович Колганов. Он родился в 1896 году. В русской армии с 1915 г., прапорщик. В Красной Армии с октября 1918 г. В 1917 г. окончил 1#ю Омскую школу прапорщиков, в 1933 г. – Военную академию им. М.В. Фрунзе заочно. В Гражданскую командовал ротой и батальоном, был помощником адъютанта стрелкового полка, адъютантом стрелкового полка, помощником начальника штаба стрелковой бригады, начальником штаба стрелкового полка.

В межвоенный период командовал батальоном, был начальником штаба и командиром стрелкового полка (30).

16 августа 1938 года Власову присваивают звание «полковник» (воинского звания «подполковник» тогда ещё не было) приказом НКО СССР № 01378, затем в октябре 1938 года назначают на должность командира 72#й стрелковой дивизии.

К слову, срок пребывания в звании «майор» устанавливался в четыре года. Андрей Андреевич же майором проходил всего немногим более двух лет! Но в «Положении о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» имелись существенные «лазейки». Первой была следующая: «Для получения военного звания полковник (капитан 2#го ранга) устанавливается срок пребывания в предыдущем военном звании 3 года, из коих в течение одного года обязательно фактическое командование батальоном (дивизионом и т. п.), если ранее этот командир не командовал батальоном (дивизионом и т. п.)...» А второй – ещё более универсальная: «В отдельных случаях, при наличии выдающихся успехов в работе или особых заслуг, командному и начальствующему составу могут быть присвоены очередные военные звания ранее истечения установленных сроков...» (31)

Молниеносный взлёт Власова в Киевском округе поясняет следующий документ:

«Материалы к протоколу заседания Военного совета Киевского военного округа № 2 от 26 марта 1938 года. Из ДОКЛАДА о состоянии кадров Киевского военного округа

1. Враги народа, имевшие своей целью подготовку поражения РККА, на все руководящие должности подбирали свои кадры, выдвигали узкий круг людей на высшие должности, а растущих преданных партийных и не партийных большевиков “мариновали” на низовой работе.

В результате этого в большинстве на руководящих должностях штаба округа, командиров, комиссаров, начштабов корпусов и дивизий, частично и полков, оказались враги народа и их приспешники.

Поэтому Военный совет поставил центральной задачей “выкорчёвывание” врагов народа и подбор на руководящие должности преданных и растущих командиров.

В итоге беспощадного “выкорчёвывания” троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов на 25 марта 1938 года произведено следующее обновление руководящего состава округа:

Наименование должностей По штату Обновлено % обновления

Командиров корпусов 9 9 100

Командиров дивизий 25 24 96

Командиров бригад 9 5 55

Командиров полков 135 87 64...

2. Выполняя указания тт. Сталина и Ворошилова, Военный совет округа провёл большую работу по очищению кадров командного состава не только высшей, но и средней и старшей группы от всех враждебных и политически неустойчивых элементов, и эта работа продолжается в дальнейшем.

Всего было уволено из частей округа по политико-моральным причинам 2922 человека, из них арестовано органами НКВД 1066 человек...» (32)

Вот и получается, что «растущего», «преданного партийного большевика» Власова долгое время «мариновали» на низовой работе. А теперь, когда стали разоблачать «врагов народа и их приспешников» на руководящих должностях, на Власова обратили внимание и выдвинули, да так, что у него от успехов, упавших с неба, начала кружиться голова.

Разговоры о том, что Власов был членом окружного трибунала и принимал участие в подписании приговоров, вовсе не являются беспочвенными.

Например, в автобиографии полковника Власова, написанной 23 декабря 1939 года им самим, указывается: «Около десяти лет состоял Заседателем военного трибунала КВО и ЛВО» (33).

В апреле 1940 года он напишет: «Был избран членом военного трибунала округа...» (34)

Но этого, видимо, мало для тех, кто убеждён в непогрешимости Власова. Тогда есть ещё партхарактеристики, где чёрным по белому написано: «Уклонов от генеральной линии партии у тов. Власова не было. Работает честно и правдиво. Много работает над вопросами ликвидации остатков вредительства части» (16 марта 1938 г.); «Уклонов от генеральной линии партии у т. ВЛАСОВА не было. Работает честно и правдиво. Много работает над вопросами ликвидации остатков вредительства в части» (5 апреля 1938 г.); «В партийно-политической жизни парторганизация отдела и Штаба КОВО принимает активное участие. Партзадания выполняет аккуратно и добросовестно. Идеологически выдержан. Предан партии Ленина – Сталина. Партвызисканий не имел» (29. 8. 38 г.).

Как вы думаете, если майор, а потом и полковник Власов 10 лет был заседателем военных трибуналов, он что, в период массовых репрессий брал справку о болезни или демонстративно не ставил своей подписи? Стал бы он тогда полковником или командиром дивизии? А если бы он активно не боролся с вредительством и не выступал на партсобраниях, что бы с ним самим могло быть? Наверное, то же, что и с «врагами народа». Ведь в 1937–1938 годы, в период массовых репрессий, военные трибуналы в том числе рассматривали и контрреволюционные дела и, как правило, не выносили по ним оправдательных приговоров.

Например, в процессе своего исследования О. Сувенирову удалось выявить «Обзор работы военных трибуналов Киевского Особого военного округа и судимости в воинских частях округа за 1938 год».

«Обзор этот подписан временно исполнявшим должность председателя ВТ КОВО бригаденюрстом Галенковым и 5 февраля 1939 г. был отправлен председателю Военной коллегии Верховного суда СССР Ульриху, – пишет О. Сувениров. – В обзоре содержится немало данных и о 1937 годе. Хотя в разных данных имеются “нестыковки” на одного-двух человек (очевидно, по небрежности составителей), в целом этот документ представляется мне довольно достоверным, позволяющим более-менее полно представить себе картину о том, кого и за что судили в 1937–1938 гг. в Киевском военном округе.

Согласно этому официальному обзору, всего за 1937 и 1938 годы за контрреволюционные преступления в КОВО было осуждено 1097 военнослужащих. (Сразу же необходимо заметить, что в данном случае речь идёт об осуждённых лишь военными трибуналами – лицами от красноармейца до майора включительно. Командиры и политработники в званиях от полковника (полкового комиссара) и выше подлежали, как правило, суду Военной коллегии Верховного суда СССР и здесь не учтены.)

Поскольку в те годы то или иное отношение военнослужащего к ВКП (б) имело очень большое значение, рассмотрим сначала, как обстояло дело с партийной принадлежностью... среди всех осуждённых в КОВО в 1937–1938 гг. “за контрреволюционные преступления”, члены и кандидаты в члены ВКП(б) составили менее 10,4 % всех осуждённых, комсомольцы – чуть более 15 %, а почти три четверти осуждённых “контрреволюционеров” – это беспартийные. А если в разряд беспартийных включить и комсомольцев (которые, строго говоря, не принадлежали к числу партийных), то доля беспартийных среди осуждённых возрастает до 90 %. Это позволяет сделать вывод о том, что основной удар в антиармейских репрессиях 1937–1938 гг. был нанесён не столько по партийному активу (хотя и ему досталось преизрядно), сколько по массам беспартийных воинов, по разным причинам обвинённых в совершении “контрреволюционных преступлений”. По крайней мере именно так обстояло дело в Киевском военном округе.

Значительный интерес представляет распределение осуждённых по их военным званиям. Из 1097 военнослужащих КОВО, осуждённых “за контрреволюционные преступления” в 1937–1938 гг., лиц старшего начсостава оказалось 86 (менее 8 % от общего числа), среднего – 218 (около 20 %), а младшие командиры и красноармейцы составили более 72 % всех осуждённых военнослужащих. » (35)

Дополняя эту жуткую картину произвола, О. Сувениров в своей книге особо подчёркивает: «Характерной чертой всего судопроизводства Военной коллегии Верховного суда СССР и руководимых ею военных трибуналов был явно выраженный обвинительный уклон».

И ещё Сувениров пишет: «Красноармейцев не жалели – более 98 % всех осуждённых рядовых получали срок лишения свободы от трёх до пяти, а то и больше лет. Но в то же время по отношению к красноармейцам расстрельный приговор (по крайней мере в Киевском военном округе) в 1937–1938 гг. не применялся. По отношению к начсоставу (включая младший) приговоры трибуналов были гораздо более суровые, а в 1938 г. почти каждый пятый из осуждённых военными трибуналами лиц начсостава КОВО приговаривался к расстрелу» (36).

С октября 1938 года по ноябрь 1939 года полковник А.А. Власов находится в особой командировке. А именно – в Китае. Это всего лишь продолжение карьеры, а не её начало.

И тем не менее некоторые исследователи считают её знаменательной в биографии Андрея Андреевича. Кроме того, с этой поездкой связываются его якобы разведывательная

работа, а также особое расположение к нему самого Чан Кайши, награждение орденом Золотого Дракона и масса других нелепостей, которые прыгают из одной публикации в другую.

У Власова действительно в Китае был псевдоним Волков. А всё остальное надумано или придумано им самим уже в плену. Понять это можно, но мы же хотим знать истину.

А она достаточно проста. «До февраля 1939 г. (Власов) стажировался в штабе главного военного советника (комдива А. Черепанова). Читал лекции чинам китайской армии и жандармерии по тактике стрелковых подразделений. С февраля 1939 г. находился в качестве советника при штабе маршала Янь Сишаня, возглавлявшего 2-й военный район (провинция Шаньси). В августе 1939 г. “за нарушение норм поведения советского коммуниста за рубежом” был переведён в приграничные районы Монголии. 3 ноября 1939 г. вернулся в СССР», – сообщает А. Окорочков в своей книге про русских добровольцев (37).

На сегодняшний день известно, что «первая группа советников в количестве 27 человек прибыла в Китай в конце мая – начале июня 1938 г. (к октябрю 1939 г. их число возросло до 80). Тогда же, в мае 1938 г. на пост главного военного советника китайской армии был назначен комкор М.И. Дратвин (в середине 1920-х годов военный советник по связи), который прибыл в Китай ещё в конце ноября 1937 г. в качестве военного атташе при посольстве СССР и оставался им до августа 1938 г. В последующие годы главными советниками являлись А.И. Черепанов (август 1938-го – август 1939 года), К.А. Качанов (сентябрь 1939-го – февраль 1941 года), В.И. Чуйков (февраль 1941-го – февраль 1942 года), работавший в Китае ещё в 1927 г. Последний одновременно являлся и советским военным атташе. В 1938–1940 гг. военным атташе при посольстве СССР в Китае были Н.И. Иванов и П.С. Рыбалко. К первой половине 1939 г. советский советнический аппарат был практически сформирован. Его деятельность охватила центральные военные органы и действующую армию (основные военные районы). В аппарате представлены фактически все рода войск. При Ставке и в войсках в разное время (1937–1939 гг.) военными советниками работали: И.П. Алфёров (5-й военный район), Ф.Ф. Алябушев (9-й военрайон), П.Ф. Батицкий, А.К. Берестов (2-й военрайон), Н.А. Бобров, А.Н. Боголюбов, А.Ф. Васильев (советник северо-западного направления), М.М. Матвеев (3-й военрайон), Р.И. Панин (советник юго-западного направления), П.С. Рыбалко, М.А. Щукин (1-й военрайон) и др. Старшими советниками по авиации были Г.И. Тхор, П.В. Рычагов, Ф.П. Польшин, П.Н. Анисимов, Т.Т. Хрюкин, А.Г. Рытов; по танкам: П.Д. Белов, Н.К. Чесноков; по артиллерии и ПВО: И.Б. Голубев, Русских, Я.М. Табунченко, И.А. Шилов; по инженерным войскам: А.Я. Калягин, И.П. Батуров, А.П. Ковалёв; по связи – Бурков, Геранов; по военно-медицинской службе – П.М. Журавлёв; по оперативным вопросам – Чижев, Ильяшов; по оперативно-тактической разведке – И.Г. Ленчик, С.П. Константинов, М.С. Шмелёв. А также военные советники: Я.С. Воробьёв, полковник А.А. Власов, и др. Всего же, согласно данным, приведённым в воспоминаниях А.Я. Калягина, в 1937–1942 гг. в Китае работало свыше 300 советских военных советников...» (38)

По воспоминаниям военных советников, работавших в Китае, их работа изначально опиралась на дипломатию и психологию. Советы необходимо было давать только на основе фактов, подтверждённых документально. При этом нужно было заботиться о престиже собеседника, одновременно читая его намерения. Во взаимоотношениях следовало быть осторожными, как бы примеряя особый подход к военным руководителям Китая. Требовалось учитывать их особую чувствительность к сложившимся обычаям, нетерпимость к критике, даже разумной.

О проблемах советников в Китае рассказал в своих мемуарах генерал А.Я. Калягин:

«Вторая проблема – немалый разрыв в воинских званиях. К примеру: советником при командующем 1-м военным районом генерале Вэй Лихуане работал майор М.А. Щукин... В ряде мест советниками были капитаны. Согласитесь, не каждый генерал сразу примет пред-

ложения советника-капитана, если даже эти предложения отлично обоснованы и безупречно сформулированы.

Китайские генералы заботились прежде всего о своём престиже, сохранении авторитета. “Потеря лица” считалась непоправимым позором. В практике нашей работы предложения “капитанов” иногда изучались так долго, что острота ситуации пропадала. Предложения устаревали, зато “престиж генерала” оставался незабываемым...

Другой вопрос – возрастной барьер. Советниками были капитаны и майоры 25–30 лет, подполковники и полковники 35–40 лет. Генералу, с которым работал советник, как правило, было 55–70 лет. Старость традиционно почитаема в Китае даже вне зависимости от чинов и должностей. Игнорировать этот барьер мы не могли и преодолевали его при помощи скромности, простоты в обращении и внимательности, что действовало безошибочно...

Третья проблема, с которой столкнулись все советники, – “языковой барьер”. Мне сначала показалось, что китайский язык не так уж труден. Выучить 500–800 иероглифов под силу каждому. Другого мнения был наш общий друг – переводчик посла Илья Михайлович Ошанин... Он утверждал, что в китайском языке свыше 50 тыс. иероглифов и что военный советник должен знать до 5000. Мы знали иероглифов 50. Конечно, с таким словарным запасом далеко не уедешь...

Мы по-разному преодолевали этот барьер, иногда используя язык-посредник: в наших академиях офицеры изучали английский, немецкий, французский, как и многие китайские офицеры...

Совершенно очевидно, что вдобавок ко всему сказанному советский военный советник должен был обладать высокими личными качествами: быть деятельным, изобретательным, тактичным, вежливым и аккуратным в работе, волевым и настойчивым при проведении в жизнь своих предложений.

Само собой разумеется, что советник должен иметь солидную оперативно-тактическую подготовку, знать организацию армии, в которой он работает, и армии её противника; изучить военно-промышленный потенциал страны и противника; быть в курсе достижений современной военной техники и её возможностей» (39).

Главный военный советник в Китае В.И. Чуйков в своей книге отметил, что некоторые советские командиры не всегда правильно строили свои взаимоотношения с военным министерством и китайскими генералами в районах и армиях. Их слабым местом было недостаточное знание Китая, его традиций.

В частности, он пишет: «Скажем, китайский генерал принимает решение на оборону или на наступление. В этом решении много несуразностей, чтобы не сказать большего. Если советник открыто раскритикует план, он этим наживёт себе врага, в лучшем случае китайский генерал будет его игнорировать и не станет приглашать к разработке планов и решений.

Во всех случаях советник, изучая решение или план китайского военачальника, должен во всеуслышание признать и объявить его хорошим, если не гениальным или превосходным. Но под предлогом, чтобы подчинённые китайского генерала лучше поняли и усвоили план, попросить разрешения внести несколько уточнений. Можно ручаться, что после такого восхваления решения или плана китайский руководитель позволит внести “некоторые” уточнения. Этими уточнениями советник может вложить в решение всё, что нужно. Такая помощь будет принята, и предложение советника станет проводиться в жизнь как решение или план самого китайского командующего.

В случае успешного выполнения этого решения или плана операции советник должен оставаться в стороне, все лавры победы или успеха во всеуслышание адресовать своему генералу, а при неудаче – найти причины, оправдывающие действия командира и войск, и даже поздравить с победой» (40).

В настоящее время о работе Власова в Китае можно судить только косвенно.

Итак, до февраля 1939 года Власов проходил стажировку, читал лекции по тактике. С февраля состоял советником при штабе маршала Янь Сишаня. О взаимоотношениях этого китайского военачальника с Чан Кайши, который будто бы наградил Андрея Андреевича орденом, рассказал военный советник А.Я. Калягин: «В середине января (1939 г.) в штаб главного военного советника явился молодой генерал Лю Хуа-у. Он прибыл по важному делу к главному советнику. Александр Иванович был в оперативном управлении, и мы предложили посетителю подождать.

Лю Хуа-у прекрасно говорил по-русски, что было редкостью среди гоминьдановских генералов, и мы, естественно, заинтересовались, откуда он знает язык. Словоохотливый Лю рассказал нам всю свою биографию. Оказалось, что он сын купца из Сыпингя (город в Маньчжурии), в семь лет лишился родителей. В 1904 г. грузинский князь Вачнадзе увёз его с собой в Грузию. Там он вырос, окончил гимназию, военное училище и в качестве офицера царской армии участвовал в Первой мировой войне. Имеет ряд русских орденов. В 1921 г. он покинул Грузию и уехал в Германию, где женился на немке, и через два года вернулся в Китай, в Мукден. В Мукдене поступил в управление КВЖД в качестве заместителя главного контролёра дороги и прослужил 12 лет. После ухода с КВЖД был взят Янь Сишанем на должность штабного офицера и вскоре получил чин генерала. Янь Сишаню служит за деньги, о чём сказал совершенно открыто: “Чей хлеб жуём, того и песенки поём”. К нам он прибыл как заместитель представителя Янь Сишаня при Ставке в Чунцине. Кроме русского хорошо знал грузинский, немецкий, английский языки.

Лю Хуа-у был прекрасно осведомлён в оперативной обстановке. Позже мы узнали, что большая часть переводчиков – бывшие служащие КВЖД, связанные с Лю Хуа-у. Через них он узнавал положение на фронте и в стране и, естественно, обо всём доносил Янь Сишаню. Оклад у него был солидный – 400 юаней в месяц, тогда как в гоминьдановской армии генерал-майор получал всего 150 юаней.

Когда пришёл Александр Иванович, Лю Хуа-у сообщил ему о желании Янь Сишаня закупить в Советском Союзе вооружение и боеприпасы. Янь Сишань, дескать, просит главного военного советника оказать ему содействие в этом вопросе, так как Янь Сишань и Чан Кайши находятся... и Лю соединил указательные пальцы своих рук.

Александр Иванович разъяснил ему, что вопросы поставок вооружения в его компетенцию не входят, что это дело правительств и что по этому вопросу следует обратиться к военному министру Хэ Инциню.

Недовольный, Лю Хуа-у покинул штаб и больше у нас никогда не появлялся. Однако из этого посещения мы сделали вывод, что Чан Кайши держит Янь Сишаня на голодном пайке и вооружения не даёт...» (41)

Основная задача советских военных советников заключалась в помощи Китаю отразить японскую агрессию. При этом советское руководство сомневалось в решительной победе войск Чан Кайши. Исходя из этого, расчёт делался на затяжную войну, которая, в конечном счёте, и должна была принести Китаю победу. Япония всё больше задействовала там своих дивизий, а также увеличивала людской состав, рассчитывая на скорый успех. Но они буквально завязли в Китае. Таким образом, советская сторона держала там мощный заслон против возможного наступления Японии на стороне Германии.

Собственно, пребывание Власова в числе других военных советников в Китае и было связано с выполнением этой главной задачи.

Военный советник К.М. Покровский лично встречался и общался с Андреем Андреевичем. Об этом он вспоминает следующее: «Мой переводчик Хуа был предупредителен, внимателен и готов, как он мне говорил, выполнить любое моё желание. За время совместного пути в Куньмин мы привыкли друг к другу. Я, не агитируя, как говорится, за советскую власть, тем не менее много рассказывал по его просьбе о своей стране...

Вопросы питания советских военных советников и специалистов возлагались на переводчиков. С этого начался наш доверительный разговор с Хуа о роли переводчиков в процессе их работы и общения с советскими специалистами. Мне показалось это интересным. – Генералиссимус сам написал инструкцию для нас, – рассказал Хуа. – Инструкция строгая и требовательная. – Вы даже уверены, что писал её сам главком? – спросил я. – Да, конечно. Я даже сам принимал в этом участие. Она подчёркивает, это сказано в самом начале, что советские военные советники – люди дела, не любят пустословия и безделья, на их содержание государство тратит большие деньги, поэтому каждый переводчик должен это учитывать и создавать русским такие условия, при которых бы они затрачивали минимум своего полезного времени на быт. – Что под этим имеется в виду? – Квартира, питание, транспорт. Рикшами вы не пользуетесь, значит, надо заботиться об автотранспорте. Кроме того, – здесь он улыбнулся и, слегка понизив голос, добавил: – Вообще удовлетворение всех ваших желаний. Я не обратил тогда внимание на эту фразу, хотя мне показалось, что этим вопросом он занялся бы охотнее...

После долгого, в течение всего дня, перегона наша машина остановилась у подъезда лучшей, хорошо сохранившейся после бомбёжек гостиницы в одном из известных городов Китая – Гуйлине. Входя в зал фешенебельного ресторана, я заметил за столиками “золотую” китайскую молодёжь, много иностранцев. Почувствовал, как привлекло внимание присутствующих появление советского человека в китайской военной форме. Но оказалось, что здесь был ещё один советский военный, и тоже в китайской форме. Он подсел к нашему столу, и тут выяснилось, что полковник Власов в Гуйлине один и потому, как он выразился, прозябает здесь в окружении “одних китайцев”. Его иронию я отнёс к излишнему пользованию чайником с рисовой водкой, которую здесь подают в подогретом виде. Из дальнейшего разговора, его откровенных признаний и поведения я понял, что Власов потерял человеческое обличье, пал, поддавшись “заботе об удовлетворении всех желаний”. Было совершенно очевидным, что дальнейшее пребывание Власова на своём посту недопустимо. Вскоре он был отозван и отправлен в Союз...» (42) Эта встреча произошла в ноябре 1939 года.

А предшествовало ей другое событие. В мае Александра Ивановича Черепанова (главного военного советника) срочно отзывают в Москву. С июня 1939 года он находится в распоряжении 11#го отдела Генштаба Красной Армии (43). Именно в мае Власов временно исполняет обязанности главного военного советника до августа 1939 года, т. е. до того дня, когда его переведут в приграничные районы Монголии «за нарушение норм поведения советского коммуниста за рубежом».

Так что же произошло? «Некоторые исследователи жизни Андрея Андреевича полагают, что он больше викторий одержал в постельных баталиях, чем на поле брани. И им возразить трудно. Впрочем, судите сами.

Во время командировки в Китай он сумел соблазнить жену Чан Кайши. В то же время Андрей Андреевич не пожалел денег, чтобы купить сроком на 3 месяца 16#летнюю китайку для своих любовных утех», – утверждает П. Пальчиков (44).

По этому поводу есть и ещё одно документальное подтверждение, а именно – в исследовании А.Ф. Катусева и В.Г. Оппокова, которые достаточно основательно ознакомились с уголовным делом Власова. «Вершиной карьеры Власова в тридцатые годы стала командировка в Китай, что являлось актом высокого доверия и открывало ему ещё более заманчивую перспективу. Так вот, именно на это время – на 1939 год, а не на 1937#й, как записано в протоколе допроса, о котором идёт речь, Власов имел повод пожаловаться. Именно тогда у него могла возникнуть обида. Хотя обижаться следовало только на самого себя, поскольку его выдворили из Китая... за моральное разложение» (45).

В сентябре 1939 года в Китай приезжает вновь назначенный главный военный советник Кузьма Максимович Качанов. Он решает вопрос с Власовым в некотором роде «мирным» путём. Почему?

Потому что он хорошо лично знал Власова по штабу ЛенВО. Они вместе служили в одно время. Качанов в Ленинграде занимал должности помощника начальника сектора 1#го отдела и заместителя начальника штаба ЛенВО (46).

Но в том что Власов действительно подскользнулся в Китае на своём недостойном поведении, сомневаться не стоит. Абсолютно всех советников по окончании особой командировки награждали орденами СССР. Представляли и Власова, но он единственный награждён орденом не был (47).

А по поводу ордена Золотого Дракона можно лишь отметить следующее. По обычаю всю группу сменяемых советников принимал от имени президента республики Хэ Инцин, который и вручал каждому командиру китайский орден «За заслуги в строительстве и боевых действиях сухопутных, морских и воздушных сил страны». При вручении Хэ Инцин хвалил всех награждённых и особенно Советское правительство. И благодарил за помощь. Лишь на другой день банкет в честь отъезжающих устраивал сам генералиссимус Чан Кайши. Причём вместо водки на столах в числе множества всевозможных блюд стояла сельтерская вода. Говорил он мало и при произношении речей икал (48).

К слову, китайских орденов на границе у наших советников никто не отбирал. А у Власова орден Золотого Дракона могли отобрать только потому, что его им не награждали, иначе его пришлось бы показывать. А уж прихвастнуть Андрей Андреевич любил.

3

С ноября 1939 года по январь 1940 года полковник Власов состоит в распоряжении Управления по начсоставу Красной Армии и находится в отпуске после командировки (48).

Побывал Андрей Андреевич и на родине в селе Ломакино Гагинского района Горьковской области. В этом селе добрая половина носили фамилию Власовых и, безусловно, им гордились, его боготворили. Большой человек! Каждый его приезд был настоящим праздником. Всегда привозил с собой подарки: то махришко для ребятишек, то материалу – ситцу или сатину. Говорят, что в обиде никого не оставлял! Встречали Власова в Лукоянове с музыкой. Молодёжь пела песни, девушки подавали с поклоном хлеб-соль. Домой везли на лошадях с бубенчиками. Очевидцы запомнили его в военной форме, красивым, в очках#«велосипедах». Его характер на отдыхе всем виделся лёгким, компанейским. Любил посидеть с друзьями на берегу Пьяны, где ловил карасей. Если улов был хорошим, то устраивали на лугу «пикник», варили уху, плясали до изнеможения и играли на гармошке. Сам Власов, говорят, любил музицировать, душевно петь русские народные песни и пить самогон (49).

Земляк Власова Василий Тулупов помнит Андрея Андреевича с детства: «Мне тогда было лет пять. Гуляло всё село. Нам, мальчишкам, из окон дома бросали монеты и конфетки. А невеста Власова, Анна Воронина, жила как раз напротив нашего дома. Девушка она была видная, симпатичная. Вряд ли Анна вышла замуж по любви: Власов был долговязый, нескладный, в очках. Не будь он командиром, ни одна девка за него не пошла бы. А так родители сговорились». О родителях Власова земляк поведал следующее: «В селе их уважали. Отец и мать были верующими, пекли просвирки при церкви. Андрей был у них единственным сыном. Когда создали колхоз, они половину дома отдали под размещение конторы, в их дворе стояли двадцать колхозных лошадей.

Тесть Власова был не из бедняков: вместе с братом держали 52 улья. Делали братья медовуху на продажу. Две кружки махнул и – ползком домой» (50).

Ещё жил, отец Андрей Владимирович, 1858 года рождения (инвалид 1#й группы) с мачехой, мать Андрея Андреевича умерла в 1933 году. Отец работал в колхозе «Память Ильича» с 1930 года портным, до революции занимался земледелием, считался крестьянином#середняком. Власов и писал, что родился в семье крестьянина-кустаря (51).

Женился Андрей Андреевич в 1926 году на Анне Михайловне Ворониной, ставшей Власовой (1906 г.р.). На их свадьбе гуляли по-деревенски, с размахом. «Сначала девичник, запой. Невесте в подарок преподнесли несколько кусков мыла – по старой традиции. Детей у них не было, не судьба, видно. Анна сделала первый аборт и после этого уже никогда не беременела. Операцию, наверное, проводил какой-нибудь столичный шарлатан», – вспоминает Нина Михайловна Баранова внучатая племянница генерала (52).

Данные о своих родственниках Власов кратко указал в автобиографии: «Отец жены так же на родине, её мать умерла в 1929 г. Кроме отца, у меня ближайших родственников никого в живых нет. Брат погиб в Гражданскую войну в борьбе против Колчака в Красной Армии. Сестра умерла в 1935 г. Два брата жены работают в гор. Горьком на Горьковском автозаводе им. Молотова. Одна сестра работает мастером на Кировском заводе в г. Ленинграде и одна сестра на родине замужем за сельским учителем» (53).

Сегодня собираются в родном селе Власова открыть его музей. Освещая эту новость, Флора Кошунцева рассказывает: «Дом № 17 по улице Садовой за 70 лет постарел и обветшал. Тех предметов, которые обычно выставляют на экспозицию в музее, здесь давно уже нет. Все эти годы на дырявые стены и облупившуюся краску прохожие смотрели равнодушно.

Теперь в опустевшем доме Власовых поселилась одинокая старушка. В единственную комнату провели электричество, а стены завесили коврами. От капитального ремонта хозяйка отказалась категорически, в память об отце и его близком друге обстановку постаралась не нарушать.

– Власов с моим папой большие друзья были, – утверждает Александра Кузнецова, жительница села Ломакино Нижегородской области. – Из армии вместе приехали. Они приехали на побывку в 40#м. Два офицера Красной Армии в скрипучих хромовых сапогах только что вернулись с Халхин-Гола...

– Помню даже, как Власов плясал, – подтвердил исторический приезд на родную землю другой житель села Ломакино Роман Конов. – Всё это у меня в памяти осталось...

В мае 45#го Власова захватили в Чехословакии. Через год его признали виновным в государственной измене и повесили по приговору суда. Узнав об этом, в селе Ломакино сожгли его фотографии и уничтожили всё, что так или иначе было связано с семьёй.

– Тут была русская печь, – говорит Александра Кузнецова, жительница села Ломакино, – Мы её в сени вытащили. Приехали энкавэдэшники и мачеху его увезли. Никто не знает куда. Чашки, ложки – всё это погрузили и увезли...

– Коммерсанты вроде бы хотят открыть здесь музей, так они сказали, – поведал Александр Кузнецов, бывший хозяин дома и внук друга Андрея Власова. – За дом мне предложили 40 тысяч рублей.

Сумма, кстати, по местным деревенским меркам немаленькая. Тем более что избушка уже старенькая, чуть ли не разваливается по швам. Между прочим, точно такой же дом на краю села оценивают максимум в 5 тысяч, но кого интересует избушка, в которой Власов никогда не был? Почему же решили открыть музей в доме Власова?

Представитель владельца музея в Ломакино Андрей Канаев считает так:

– Появился объект, появился интерес к нему, и если сейчас не позаботиться о нём, всё будет утрачено. Никто не хочет чёрное сделать белым, а белое чёрным. Выводы о генерале Власове можно сделать только в том случае, если будут открыты все документы, а они не открыты. Есть люди, которые мыслят не так, как большинство людей...

До того как музей начнёт работать, остались считанные дни. Сейчас заканчивается оформление дома на имя нового собственника. Этим занимаются дальние родственники генерала. Местных жителей с фамилией Власов в Ломакино давно уже нет.

Но новые владельцы дома-музея Власова – руководители Пешеланского гипсового завода смотрят в будущее с оптимизмом...» (54)

Но вернёмся в то время, когда у Власова истёк срок отпуска. Его назначают командиром дивизии. В архиве я нашёл документ, подтверждающий это назначение. Вот его текст:

«Секретно
Выписка из приказа
Народного Комиссара Обороны СССР
по личному составу
№ 081
10 января 1940 г. г. Москва

...3. Состоящий в распоряжении Управления Начсоставу РККА полковник Власов Андрей Андреевич назначается командиром 99 Стрелковой Дивизии

Народный Комиссар Обороны ССР
Маршал Советского Союза – К. Ворошилов
Пом. начальника 3 отделения
ОНС КОВО
т/интендант 2 ранга (Бусленко) подпись» (55).

Этим же приказом, этой же датой освобождался с занимаемой должности комбриг Иван Евдокимович Турунов. Его переназначили командиром 169#й стрелковой дивизии (56).

Насколько мне стало известно, а об этом говорят в первую очередь архивные документы, Власов должен был снова вернуться командиром на 72#ю стрелковую дивизию. Но по каким-то, не известным нам причинам, его назначают на 99#ю. Как вы думаете, случайность ли это?

В обобщённой справке «Работа в прошлом и служба в РККА», составленной на Власова в кадрах 28 февраля 1940 г., по каким-то причинам его прохождение службы на должности командира 72#й стрелковой дивизии не указывается (57). До командировки в Китай отмечена как последняя должность «Начальник 2 отдела Штаба Киевского Особого Военного округа» (58).

При этом в одной учётно-послужной карте указано: «2.10. 38 72 с.д. (КОВО) командир НКО 00673», а в другой: «72 стр. дивизия КОВО командир дивизии – 1940 январь» (59).

Как известно, в особой командировке Власов числился с ноября 1939 года, а значит, дивизией покомандовать он не успел. Следовательно, только по этой причине эта должность в «Справке» указана не была.

Да и помощником командира 72#й стрелковой дивизии он был совсем немного, чтобы как-то проявить себя или запомниться. В одной учётно-послужной карте указано: «22.04–38 —72 стр. див. пом. ком-ра НКО 0373», а в другой об этой должности вообще не упоминается (60).

Кстати сказать, в личном деле А.А. Власова должность помощника командира 72#й стрелковой дивизии не указана вообще, зато должность командира этой дивизии записана так: «сентябрь 1938 январь 1940 Командир дивизии 72#й Стрелковой Дивизии Киевского Особого Военного Округа». Это как раз и тот период, что он был в особой командировке в Китае.

К слову сказать, я потратил немало лет на сбор документов про А.А. Власова. Но тяжелее всего для меня оказалось получить доступ к его личному делу. Что мне это стоило, знает один Бог! Я, безусловно, говорю не о материальной стороне. Я говорю о своих нервах, кото-

рые порядком расшатал, убеждая, доказывая и т. д. Гораздо проще тем, кто пишет о нём как об «освободителе», как о «полководце». Доказывать обратное, к сожалению, очень и очень трудно. И тем не менее лично меня это увлекает. Увлекает сам процесс поиска и исследования.

Но мы отвлеклись. Первой оценкой командира 99#й стрелковой дивизии стала его аттестация, подписанная командиром 17#го стрелкового корпуса комдивом Колгановым и бригадным комиссаром Кальченко 10 мая 1940 года. Там написано: «Два месяца показали, что т. Власов с работой по управлению дивизией справляется. Предан делу партии Ленина – Сталина и Социалистической родине. Политически и морально устойчив. Бдителен и умеет хранить военную тайну. Политически подготовлен, с массами связан.

...Авторитетом пользуется. Волевой командир. Энергичен и инициативен. Организовать дело умеет, настойчиво проводит в жизнь свои решения.

Дисциплинирован. Здоров. Оперативно-тактически подготовлен удовлетворительно. Опыта в управлении дивизии ещё нет, и здесь требуется ещё значительная тренировка.

99 сд к 1.5.40 пришла сплочённой и боеспособной, с резко подтянувшимся общим порядком. Тактическая, политическая и строевая подготовка удовлетворительна. Огневая удовлетворительна. Оружие, боевая техника и все виды имущества хранятся и содержатся в порядке. Хранение секретной переписки налажено. Должности командира дивизии соответствует» (61).

Для информации: Колганова Константина Степановича Власов сменил в штабе Киевского округа на должности начальника 2#го отдела (боевой подготовки) (62). Он знал Андрея Андреевича.

Далее следует резолюция вышестоящего начальника. Она любопытна: «С аттестацией и выводами согласен. Достоин присвоения военного звания “генерал-майор”. Дивизией командует два месяца. Производит впечатление твёрдого, волевого командира. Уровень тактической подготовки в масштабе дивизии хороший».

Подписался под этими словами не кто иной, как сам комкор Голиков, командующий 6#й армией (63).

К слову, звание «комбриг» Власову было присвоено 20 февраля 1940 года (№ приказа НКО – 0765) (64). В положении о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА срок пребывания в звании «полковник» был установлен чётко – восемь лет. При этом оговаривалось: «Для получения военного звания комбриг (капитан 1#го ранга) устанавливается срок пребывания в предыдущем военном звании 6 лет, из коих в течение двух лет обязательно фактическое командование полком (отдельной частью), если ранее этот командир не командовал полком (отдельной частью)».

Было там и такое примечание: «Народному Комиссару Оборона СССР предоставляется право в исключительных случаях присваивать отдельным лицам последующие командные и специальные военные звания без соблюдения очерёдности, установленной настоящим Положением» (65).

4 июня 1940 года постановлением Совета Народных Комиссаров СССР Власову присваивают звание «генерал-майор» (66). А на инспекторском смотровом учении, проведённом Народным Комиссаром Оборона, Маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко (25–27 сентября 1940 г.) его 99#я дивизия получает хорошую оценку и награждается переходящими знамёнами Красной Армии (67).

Отчего такие почести вдруг ни откуда появившемуся генералу?

Может быть, он оказался в то самое время, в том самом месте и в той самой дивизии?

В преддверии инспекторского смотра в директиве войскам Киевского особого военного округа № Г-0222 от 17 июля 1940 года, которым командовал Г.К. Жуков, говорилось:

«...приказываю:

1. Под личную ответственность Военных советов армий, командиров и комиссаров соединений и частей к 15.8.40 г. ликвидировать отставание в вопросах боевой готовности частей, для чего:

а) К 25.7.40 г. проверить и спустить до части все необходимые запасы боеприпасов, горючего, продфуража и другого имущества и в частях разложить его по подразделениям.

б) К тому же времени разработать конкретные инструкции, определяющие боевую готовность бойца, командира, подразделения и части в целом.

в) К 1.8.40 г. путём проведения ряда тренировок подъёма по тревоге, отработать боевую готовность бойца и командира.

К 5.8.40 г. отработать в целом роту, батарею, эскадрон, штаб, политаппарат, военные прокуратуру, трибунал и особые отделы.

К 15.8.40 г. отработать боевую готовность частей и соединений.

г) На все полевые учения с батальона войска поднимать только по тревоге.

...3. Тактическую подготовку подразделений и частей закончить: взвода – к 1 августа; роты, эскадрона – к 15 августа; батальона – к 1 сентября.

Сентябрь месяц отвести на дополнительную тренировку батальона, полковые и дивизионные учения и инспекторские смотры...

Подготовке начсостава уделить исключительное внимание, считая это одной из центральных задач.

Целью командирской учёбы поставить полную подготовку командира по занимаемой должности и дальнейшее расширение его оперативно-тактического кругозора.

Организационными мероприятиями и распорядком дня обязать в обязательном порядке комначсостав заниматься и работать над собой вечерами.

Решительно улучшить методику занятий с начсоставом. Не допускать поверхностной проработки тем, а каждую тему прорабатывать углубленно, изучив весь комплекс вопросов, связанных с данной темой...

4. Подготовку и слаженность ячеек управления и штабов закончить: отделений управления рот и эскадронов к 1 августа; штабов батальонов и кавалерийских полков к 15 августа; штабов полков и дивизий к 1 сентября...» (68)

Кроме того, «Г.К. Жуков отдаёт ряд других приказов и директив, направленных в первую очередь на улучшение командирской учёбы (№ 0158 от 29 июля), огневой подготовки войск (№ Г-3/0508 от 5 августа)...

Всё лето командующий с работниками штаба округа провёл в войсках. Главное внимание уделялось полевой выучке командного состава, штабов и войск всех родов оружия, умению поддерживать взаимодействие друг с другом во всех видах стремительного современного боя» (69).

Все эти и другие мероприятия предусматривались приказом наркома обороны от 16 мая 1940 года, в котором чётко говорилось о том, что «опыт войны на Карело-Финском театре выявил крупнейшие недочёты в боевом обучении и воспитании армии».

В заключение приказа нарком ориентировал всю Красную Армию на итоговые инспекторские смотры боевой подготовки, которые планировалось провести в сентябре 1940 г. объединёнными комиссиями по его назначению.

Далее там говорилось: «4. Инспекторскому смотру подвергаются:

а) в соединении – все части соединения, штабы, службы и тыла;

б) в части – учебное подразделение, не менее 1/3 основных подразделений, все специальные подразделения, штаб и органы тыла;

в) в подразделении – весь личный состав (100 %).

5) В программу инспекторских смотров входит проверка политической, тактической, огневой, технической и строевой подготовки в объёме программы за период обучения подразделения, части, соединения.

6) Качество боевой подготовки и боеготовность подразделений и частей должны лечь в основу аттестования и прохождения службы командным и политическим составом...» (70)

Как пишет В. Краснов, «в сентябре к Жукову приехал нарком обороны С.К. Тимошенко для проверки войск округа. Георгию Константиновичу не пришлось краснеть. Смотра ряда стрелковых и танковых соединений показал только хорошие и отличные результаты. Штабы проявили высокую организованность и творческое отношение к делу, обеспечивавшие командованию условия для непрерывного управления войсками в сложной и быстро меняющейся обстановке...

За отличную выучку некоторые соединения были награждены переходящими Красными знамёнами» (71).

Сам Георгий Константинович в своих мемуарах обмолвится об этом скромно: «в сентябре 1940 года в округ прибыл нарком обороны С.К. Тимошенко для проверки войск округа. (С.К. Тимошенко был назначен наркомом обороны 8 мая 1940 года.)

С 22 по 24 сентября состоялся смотр тактической подготовки 41#й стрелковой дивизии в районе Рава-Русская. В двухстороннем полевом учении принимала участие авиация округа. Хорошо показала себя артиллерия 41#й стрелковой дивизии.

С 25 по 27 сентября смотровые учения состоялись в 99#й дивизии. Дивизия продемонстрировала отличные результаты и была награждена Красным знаменем. Артиллерия дивизии была награждена переходящим Красным знаменем артиллерии Красной Армии.

С 27 сентября по 4 октября прошли смотровые полевые учения штабов 37#го стрелкового корпуса, 6#го стрелкового корпуса, 36#й танковой бригады и 97#й стрелковой дивизии...

За отличную выучку штаб 37#го стрелкового корпуса был награждён переходящим Красным знаменем Генерального штаба Красной Армии, а комкор С.М. Кондусев, начштаба Меандров – золотыми часами. Многие командиры получили ценные подарки» (72).

Кроме 99#й стрелковой дивизии, на смотровых учениях осенью 1940 года отличились и другие соединения Красной Армии. Например, 137#я стрелковая дивизия Московского военного округа.

Её также наградили Красным знаменем (73). Но почему именно дивизия Власова в одночасье стала такой известной на всю страну? Объяснение здесь простое. Во-первых, новый нарком обороны лично проверял только Киевский округ, а его заместители – другие округа. Во-вторых, вместе с Тимошенко с целью пиара и пропаганды выехала группа корреспондентов. Они не выезжали с его заместителями. Словом, Власову просто повезло.

И всё же что он такое сделал, что его лично заметил маршал Тимошенко?

В служебной характеристике на командира 99#й стрелковой дивизии 8#го стрелкового корпуса генерал-майора Власова, подшитой в личном деле, написано: «На инспекторском смотровом учении, проведённом Народным Комиссаром Обороны... дивизия (пехота и артиллерия) получила хорошую оценку и награждена переходящими знамёнами Красной Армии» (74). То есть если маршал Жуков пишет про отличные результаты, то в документах говорится только про хорошую оценку. Однако награждают дивизию как отличную. Что уж говорить про самого Власова. Его вообще возносят до небес. А, собственно, за что?

Первый приказ частям своей дивизии он подписал 13 марта 1940 года за № 0111 (75).

А значит, 99#й он командовал всего полгода. Как мы уже говорили, до этого он соединением не командовал вообще. Но ведь у командира есть первый заместитель – начальник штаба. Он вполне мог и подготовить соединение к проверке, если позволяли опыт и соот-

ветствующие знания. За спиной же Власова оказался Сергей Фёдорович Горохов, ровесник Власова. Он родился 6 октября 1901 года в Тульской области.

В Красной Армии также с 1920#го. В этом же году окончил пулемётную школу младшего комсостава 1#й запасной бригады СКВО, в 1921 г. – 48#е Ставропольские пехотно-пулемётные командные курсы СКВО, в 1927 г. – повторные КУКС МВО, в 1936 г. – 1#й курс Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе и в 1939 г. – Военно-хозяйственную академию РККА.

В Гражданскую войну был красноармейцем и курсантом. В межвоенный период командовал взводом, был помощником начальника пулемётной команды, затем начальником пулемётной команды, командиром пулемётной роты, помощником командира пулемётного батальона, врид начальника полковой школы.

С августа 1930 г. – инструктор 1#го разряда, затем старший руководитель части опытных стрельб научно-испытательного оружейно-пулемётного полигона МВО, с июля 1933 г. – и.д. помощника начальника и врид начальника части опытных стрельб этого полигона.

По окончании академии им.М.В. М. Молотова в мае 1939 г. С.Ф. Горохов был назначен начальником военно-хозяйственного снабжения 99#й стрелковой дивизии КОВО, а в марте 1940 г. – начальником штаба этой дивизии (76).

Специально ли назначили Горохова на эту должность, заместителем Власова, или случайно, теперь уже никто не узнает. Но факт остаётся фактом, именно Горохов мог сделать то, за что дивизия получила переходящие Красные знамёна!

Вскоре Власов уйдёт на повышение, а Горохов останется на прежней должности.

Именно он вместе с новым командиром дивизии полковником Н.И. Дементьевым (был начальником штаба этой дивизии (77) до Горохова, с 17 января 1941 года – командир 99#й) будут командовать соединением в первые дни Великой Отечественной войны.

Об этом сохранилось воспоминание Н.А. Антипенко: «...99#я стрелковая дивизия, находившаяся перед началом войны в районе Перемышля, была приведена в боевую готовность лишь после того, как начался артиллерийский и авиационный обстрел нашей территории. Но первый удар фашистских войск приняли на себя пограничники 92#го отряда, и это дало возможность командиру 99#й стрелковой дивизии привести её в боевую готовность. Ю. Стрижков сообщает, что до 12 часов дня 22 июня 1941 года линия государственной границы стойко удерживалась главным образом силами пограничного отряда. Это позволило частям 99#й стрелковой дивизии выдвинуться в назначенные им полосы обороны. Завязались кровопролитные бои. Правда, Перемышль был всё же взят немцами к исходу 22 июня; но в результате решительных и умелых действий частей 99#й стрелковой дивизии под командованием полковника Н.Д. Дементьева и сводного пограничного батальона... а также Укрепрайона к 17 часам 23 июня город был нами освобождён. Противник оставил на улицах свыше 300 трупов, 12 пулемётов, несколько орудий и 2 танка... лишь 28 июня 99#я дивизия и пограничники 92#го отряда оставили город по приказу вышестоящего командования» (78).

Кстати сказать, именно Перемышль стал первым городом, освобождённым частями Красной Армии в ходе войны.

Получается, что два начальника штаба руководили частями 99#й дивизии. Руководили достаточно умело. А Власов здесь ни при чём. До них ему было слишком далеко. Ведь не секрет, что, выдвигая вверх, некоторые начальники имеют свойство ошибаться. Ошиблись и с ним.

В начале августа 41#го 99#я дивизия оказалась в окружении в районе Умани. Две тысячи бойцов и командиров дивизии вырвались из окружения и вынесли знамя дивизии, а также знамёна частей. Известно, что организовано из окружения вышли начальник штаба дивизии полковник С.Ф. Горохов и начальник артиллерии полковник И.Д. Романов.

Полковник С.Ф. Горохов с группой бойцов в конце октября вышел к своим войскам в районе г. Харьков без оружия и документов. С октября находился в резерве Военного совета Юго-Западного фронта, затем Юж. – УрВО. С января 1942 г. – командир 124#й отдельной стрелковой бригады 62#й армии Сталинградского фронта. В боевой характеристике на него командующий 62#й армией генерал-лейтенант В.И. Чуйков напишет: «Тов. Горохов... за время командования 124#й отдельной стрелковой бригадой показал способности волевого, решительного командира, способного в любых условиях решать сложные боевые задачи... Бригада, продолжительное время находясь в исключительно тяжёлых условиях боя, выполняла твёрдо приказ наркома № 227, несмотря на численное превосходство противника...»

С декабря 1942 г. генерал-майор Горохов – заместитель командующего 51#й армией (79).

И тем не менее Власов вполне мог понравиться Тимошенко. Что называется, отход – подход, и оценка «отлично»! Но чем и как, мы ещё обсудим позже.

А пока о новом назначении Андрея Андреевича. 17 января 1941 года приказом НКО № 0175 его назначают на должность командира 14#го механизированного корпуса (80), а более чем через пять месяцев начнётся война.

4

Известно, что итоговое учение 6#й армии, куда входил 4#й механизированный корпус, состоялось 26–28 сентября 1940 года. Тема учения по тем временам была актуальной: «Наступление армии и ввод механизированного корпуса в прорыв».

16 октября 1940 года состоялось ещё одно учение: «Марш и встречный бой мехкорпуса». В нём участвовали штабы 8#й танковой и 81#й моторизованной дивизии. Цель учения: «Проверка возможности подготовки и проведения марша в сжатые сроки, а также отработка вопросов доведения до подчинённых решения комкора на резкий поворот в ходе марша на новые маршруты в готовности к встречному бою».

Первое же командно-штабное учение по вводу мехкорпуса в прорыв было проведено в августе 1940 г. под руководством самого командующего КОВО генералом армии Г.К. Жуковым. Тогда были выявлены серьёзные недостатки в управлении войсками. В том же августе было проведено и первое войсковое учение корпуса с использованием авиации по теме: «Ввод мехкорпуса в прорыв». Однако в октябре, как говорится, «цели занятий были достигнуты»... «Результаты учения высоко оценил генерал армии Г.К. Жуков. Руководящий состав корпуса получил ценные подарки от командования округа. Отработанные в ходе учения документы были доведены в письменной форме до командного состава всех механизированных корпусов РККА. Успехи корпуса в боевой подготовке отразились на дальнейшем служебном росте некоторых командиров. Командир 81#й моторизованной дивизии полковник Варыпаев участвовал в декабрьском совещании высшего командного состава в Москве. Командир корпуса 17 января 1941 г. был назначен командующим 5#й армией» (81).

Таким образом, Власов был выдвинут на корпус только после этих учений, а также после декабрьского совещания. Выдвинут кем? Маршалом Тимошенко. Маршал Будённый в своих дневниковых записях укажет: «Группой командовал некий Власов, которого Тимошенко в своё время выпятил как лучшего командира стр. дивизии на маневрах и расписал его во всех газетах страны. Этот единственный кадр Тимошенко впоследствии оказался предателем нашей Родины» (82). Отметим лишь, что генерал-майор танковых войск М.И. Потопов был назначен на 5#ю армию. Власов же командовал корпусом не более пяти месяцев. В подобных учениях участия не принимал. Однако на протяжении всего этого времени занимался приёмом и пополнением боевой техники. Причём пиком поступления в корпус новой материальной части считаются апрель-май 1941 года (83).

Подчеркнём и его военное образование: 24#е Нижегородские пехотные курсы командного состава с июня по октябрь 1920 года (всего 4 месяца), на которых, кстати сказать, даже имея за спиной один курс государственного университета, он в числе семи курсантов 1#го специального отделения показал слабые успехи. И только после пересдачи был выпущен взводным командиром в связи с необходимостью досрочного выпуска по телеграмме.

А ведь всего семь предметов (русский язык, арифметика, география, гигиена, военная администрация, политграмота, уставы) не могли представлять особых сложностей для такого курсанта, как Власов (84).

Кроме того, Высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА «ВЫСТРЕЛ» в 1929 году (85). Эти курсы были не только обязательным требованием к кандидатам на должность командира батальона, но и условием их дальнейшего служебного роста.

На курсах «Выстрел» в Москве Власов учился один год. Подготовка на них слагалась из следующих этапов:

«Изучение новостей военной техники. Изучение приёмов применения в бою этой новой техники во взаимодействии с пехотой. Изучение новых методов использования в бою огневых средств пехоты и практика в управлении современными тактическими соединениями. Усовершенствование в организации и проведении политработы в мирное и военное время» (86).

Как пишет В.Н. Замулин, «в 20–30#е годы подавляющее большинство будущих советских военачальников прошли подготовку. Однако все эти “ускоренные”, “повторные”, “краткосрочные” курсы не давали фундаментальной военной подготовки. Максимум, что удавалось, так это сдать экзамены за семилетку да несколько повысить свою специальную квалификацию. На более высоком уровне шло обучение в Военной академии им. Фрунзе...» (87).

Более того, у выдвиженца маршала Тимошенко – Власова перерыв в обучении (он больше не учился ни на каких курсах) составил 12 лет. Каким он был командиром нового и современного механизированного корпуса, можно только представить. И это при том, что его механизированный корпус «являлся одним из самых оснащённых и подготовленных в Красной Армии. Он постоянно пополнялся боевой техникой, в том числе новейшей» (88).

Например, известно, что на 22 июня 1941 года 4#й механизированный корпус в наличии имел только танков – 979. В 8#м МК Киевского Особого военного округа их было 898, в 15#м – 749, в 22#м – 712, в 16#м – 482, в 19#м – 453, в 9#м – 298, в 24#м – 222 (89).

При этом как воевал Власов, если так можно поставить вопрос?

«На третий день войны Рокоссовский крупно потеснил южнее Клевани 3#й моторизованный корпус немцев, а наш 19#й механизированный корпус под командованием генерал-майора танковых войск Н.В. Фекленко отбросил немцев на 25 километров на юго-запад от Ровно (ЦАМО, ф. 8, оп. 9306887, д. 99, л. 21). 4#й мехкорпус Власова вообще-то никак не принимал участия в контрударах ни 23, ни 24, ни 25 июня. Его основные силы направили в район Мостиска для контрудара по противнику, прорвавшемуся в стыке между 6#й и 26#й (командующий – генерал-лейтенант Костенко) армиями. Но из этого маневра так ничего путного и не вышло» (90).

Тогда как же можно оценить Власова в должности комкора?

Ну, например, к исходу дня 22 июня соединения его корпуса продолжали сосредоточение... 23 июня корпус использовался по частям, при этом только два танковых и один мотострелковый батальоны вели совместно с передовыми частями 15#го мехкорпуса бой с 7 до 20 часов.

Утром 24 июня 1941 года 8#я танковая дивизия была выведена из состава корпуса и до начала июля действовала в составе 15#го механизированного корпуса. 32#й танковой дивизи-

зии лишь к вечеру 24 июня удалось вырваться из города Львова, выработав значительную часть своих моторесурсов за марш в 350 км.

30 июня отходившие части 4#го механизированного корпуса были сменены восстановленной 159#й стрелковой дивизией, усиленной мотострелковым полком. Происходило это на восточной окраине Львова (91).

А как же тогда слова Андрея Андреевича, что его корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление? (92) Чистой воды пропаганда, потому что оценить его как командира 4#го механизированного корпуса невозможно. Но и тут можно возразить: а как же действия 4#го механизированного корпуса по прикрытию отхода войск 6#й армии, которые попали в послевоенные учебники тактики в качестве образца грамотной организации оборонительных боёв танковыми частями? Но так ведь это личная заслуга командира 8#й танковой дивизии. Командовал этим соединением полковник Фотченков Пётр Семёнович. И под Львовом, и под Бердичевым он водил её в бой. Как писал Е. Долматовский, «он погиб при первой попытке вывести из окружения штаб группы Понеделина. Об этом рассказывал мне, в частности, генерал Я.И. Тонконогов, писали очевидцы.

Легенда утверждает, что последний танк, за фрикционами которого находился комдив-8, кавалер орденов Ленина и Красной Звезды, комиссар интербригады в Испании, рухнул в воды Синюхи и ушёл на дно...» (93). В июне 41#го без вести пропал и командир 81#й моторизованной дивизии полковник Варыпаев П.М. Из всех комдивов выжил только полковник Ефим Григорьевич Пушкин. Он#то и возглавил потом 8#ю танковую дивизию.

Он был старше Власова всего на 2 года. С сентября 1932 г. после окончания Ленинградских автобронетанковых КУКС РККА был начальником штаба 14#го механизированного полка. С октября 1938 г. состоял для особых поручений при Военном совете КОВО. В феврале 1941 г. был назначен командиром 32#й танковой дивизии. В ноябре 1941 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Погиб в бою в 1944 г. в звании генерал-лейтенанта и в должности командира танкового корпуса (94).

А Власов выскользнул, чтобы оказаться командующим 37#й армии...

«В трудных условиях моя армия справилась с обороной Киева и два месяца успешно защищала столицу Украины», – напишет в плену Власов (95). Но и эта его личная заслуга вызывает сомнение. Слишком много людей было задействовано тогда в руководстве обороной Киева, чтобы можно было конкретно говорить о незаменимости Власова.

Как вспоминал маршал Будённый, это он назначил тогда комендантом по обороне г. Киева Власова. «Вначале он действовал хорошо (правда, ему некуда было деваться, так как за Киевом очень следили), бои были упорные...» (96)

Итак, Власов – командующий 37#й армией с июля по сентябрь 1941 года. 8 августа 1941 года он подписывает приказ № 01 о переходе в контрнаступление в южном секторе КиУРа. При этом для усиления войск укрепрайона передавались 284#я и 295#я стрелковые дивизии, 3#й воздушно-десантный корпус, 2#й отряд моряков Пинской флотилии, отряды народного ополчения киевлян. Силы защитников города составили свыше 120 тысяч человек (97). Что означает: армия Власова была значительно усилена. Например, только 11 августа распоряжением Ставки ВГК в Киев были направлены 284#я и 295#я стрелковые дивизии. В этот день прибыла и была введена в бой 284#я СД. Она же и была награждена Красным знаменем (98).

Но ведь были и огромные потери! Когда начальнику штаба 37#й армии начальник оперативного отдела Юго-Западного фронта полковник И.Х. Баграмян указал на озабоченность командующего войсками фронта именно этим показателем, то тот без обиняков ответил: «... бригады понесли значительные потери, в том числе – что особенно горько – в командном составе, но зато, как показывают пленные, фашисты стали панически бояться наших бойцов, одетых в авиационную форму» (99). Имеются в виду десантники. Как это происходило,

достаточно ознакомиться с письмом немецкого офицера: «...С расстояния в 600 метров мы открыли огонь, и целые отделения в первой волне атакующих повалились на землю... Уцелевшие одиночки тупо шли вперёд. Это было жутко, невероятно, бесчеловечно. Ни один из наших солдат не стал бы двигаться вперёд. Вторая волна тоже понесла потери, но сомкнула ряды над трупами своих товарищей, павших в первой волне. Затем, как по сигналу, цепи людей начали бежать. С их приближением доносилось нестройное раскатистое: “Ура-а-а!”... Первые три волны были уничтожены нашим огнём... натиск четвёртой волны был более медленный: люди прокладывали путь по ковру трупов... Пулемёты раскалились от непрерывного огня, и часто приходилось прекращать стрельбу для замены стволов...» (100)

Таким образом, утром 10 августа части 37#й армии перешли в контрнаступление в районе Голосеево и на других участках фронта, а спустя два дня от немцев были освобождены Жуляны. На четвёртый день наступления войска 37#й армии достигли тех рубежей, с которых немцы начали своё августовское наступление (101).

А что немцы? Они поступили гораздо разумнее. Оставив под Киевом несколько пехотных дивизий, целью которых было периодически демонстрировать штурм города, основные силы бросили в обход. Может быть, поэтому Власов считается защитником Киева? Тогда что удивительного в том, что 15 сентября 1941 года 1#я и 2#я немецкие группы соединились в районе Лохвицы, что на Полтавщине, и завершили окружение основных сил 5, 21, 26, 37 и 40#й армий этого фронта. И вот в гигантском «котле» оказались почти 460 тысяч советских бойцов и командиров (102).

Лично для меня нет никаких сомнений в том, что на месте Власова справился бы гораздо лучше любой другой генерал или даже полковник. Но произошло то, что произошло. Вот только о каких заслугах и великих победах может идти речь? Ведь и здесь Андрей Андреевич не смог в полной мере проявить себя.

Некоторые исследователи говорят, что Власов сформировал армию из необученных резервов, объединил под своим командованием части, фактически не имевшие управления, за короткое время сумел наладить их взаимодействие и т. д. Но неужели всё один Власов? И в атаку, может быть, тоже Власов поднимал? А как же его штаб? А как же его первый заместитель – начальник штаба?

На всякий случай, штаб – это основной орган управления войсками и в боевой обстановке, и в мирное время. Он руководит их обучением, воспитанием и повседневной деятельностью. Его основные задачи таковы: поддержание постоянной боевой и мобилизационной готовности войск; сбор, изучение и обработка данных обстановки; производство оперативно-тактических расчётов и подготовка предложений, необходимых для принятия командиром или командующим решений; планирование военных действий и своевременное доведение задач до войск; организация всесторонней подготовки и обеспечения военных действий; организация и поддержание взаимодействия; обеспечение надёжной связи; организация пунктов управления и т. д.

А если командир или командующий слаб, то кто, как не начальник штаба, может прикрыть его и помочь ему? Таковым у Власова с августа 1941 года был генерал-майор Константин Леонидович Добросердов. Он родился 24 октября 1891 года в Москве. В Русской армии с 1914 года. В Красной Армии с 1919 года.

В 1915 г. окончил Московскую школу прапорщиков, в 1925 г. – Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел», в 1930 г. – КУВНАС при Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе, в 1941 г. – КУКС при Академии Генштаба им. К. Е. Ворошилова. Думаю, даже по сравнению с Власовым образования, что называется, «выше крыши»!

В Первую мировую Добросердов командовал ротой в чине поручика. В Гражданскую был командиром роты, командиром батальона, командиром полка. В межвоенный период

командовал отдельным караульным батальоном, был начальником дивизионной учебной школы, помощником командира 25-го полка, командиром ряда стрелковых полков. С февраля 1931 года назначен помощником командира стрелковой дивизии, с февраля 1937 г. – командир стрелковой дивизии, с февраля 1938 г. – командир 7-го стрелкового корпуса. С началом войны корпус под командованием Константина Леонидовича в составе Юго-Западного фронта (с 10 июля – в 6-й армии этого же фронта) вёл боевые действия в районе городов Славута и Изяслав, а затем отходил к г. Киев. С конца июля 1941 г. К.Л. Добросердов находился в распоряжении командующего войсками Юго-Западного фронта (103). Кстати сказать, Добросердов был единственным начальником штаба, с кем у Власова не получилось дружбы. Видимо, сказались разница в возрасте (10 лет) и тот уровень образования и опыта, который лишь увеличивал разрыв между ними. В сущности, они могли быть реальными соперниками. Причём Добросердов вполне мог и не скрывать чувства своего превосходства.

До этого у Власова ещё с мехкопуса начальником штаба был А.А. Мартьянов, и они сильно дружили. Но Добросердова вскоре назначили вместо Мартьянова, посчитав более сильным в роли начальника штаба 37-й армии.

Из окружения Власов выйдет 1 ноября в районе Курска вместе со своей походно-полевой женой. В своих воспоминаниях Хрущёв напишет, что он был «в крестьянской одежде и с привязанной на верёвке козой» (104). А генерал К.Л. Добросердов будет пленён 5 октября. После всех пережитых им ужасов плена сумеет выжить, пройти спецпроверку и восстановиться в кадрах Советской Армии (105).

5

В двадцатых числах ноября 1941 года Власова разыскивает Главное управление кадров в связи с предполагаемым назначением командующим вновь формируемой 20-й армии.

На запрос Главного управления кадров из штаба Юго-Западного фронта по телеграфу ответили: «Генерал-майор Власов сможет быть направлен не ранее 25–26 ноября в связи продолжающимся воспалительным процессом среднего уха.

Начальник штаба ЮЗФ Бодин

Зам. нач военсанупра ЮЗФ Бяляк-Васюкевич» (106).

Начальником штаба 20-й армии был назначен полковник Л.М. Сандалов. 28 ноября 1941 года он прямо с аэродрома прибыл в Генеральный штаб для беседы по поводу назначения.

Находясь в кабинете маршала Б.М. Шапошникова, Леонид Михайлович поинтересовался:

– А кто назначен командующим армией?

– Недавно вышедший из окружения командующий 37-й армией Юго-Западного фронта, – ответил Борис Михайлович и назвал фамилию не известного прежде Сандалову генерала. – Но учтите, что он сейчас болен. В ближайшее время вам придётся обходиться без него. Однако все важные вопросы согласовывайте с ним. В штаб фронта ехать вам уже нет времени, да к тому же вас знают там по первым месяцам войны. Напутствие вам такое – быстрее сформировать армейское управление, развернуть армию, создать оборону и готовиться к наступлению (107).

Поздно вечером 29 ноября Ставка приняла решение о начале контрнаступления под Москвой, а уже утром 30-го Военный совет Западного фронта представил свои соображения, и план был утверждён.

20-я армия получила приказ нанести главный удар в направлении Солнечногорска и во взаимодействии с 1-й ударной и 16-й армиями овладеть городом.

В самый сложный период подготовки армии к боевым действиям генерал Власов так и не прибыл. Не появился он и в начале декабря...

8 декабря была взята Красная Поляна, 12 декабря – Солнечногорск и 20 декабря – Волоколамск.

Леонид Михайлович Сандалов в письме начальнику Генерального штаба маршалу М.В. Захарову в декабре 1964 года писал: «Во время Московской битвы я – во второй половине ноября 1941 г. – стал начальником штаба новой, только что сформированной 20#й армии. Это сильная полнокровная армия вместе с такой же – 1#й ударной армией возглавили наступление Западного фронта (Клин-Солнечногорская операция) под Москвой.

20#я армия освободила Красную Поляну, овладела городом Солнечногорском. А затем по распоряжению командования Западного фронта повернула на Волоколамск. Часть сил оставила для наступления по шоссе от Солнечногорска на Клин, в полосе 1#й ударной армии. 20#я армия от Солнечногорска с боями наступала на Чудоль, Чисмену, Волоколамск. Надо сказать, что назначенный командующим 20#й армии Власов... до освобождения Волоколамска армией, по существу, не командовал. Он объявил себя больным (плохо видит, плохо слышит, разламывается голова). До начала операции жил в гостинице ЦДКА, а затем его переводили с одного армейского КП на другой под охраной врача, медсестры и адъютанта. Подходить к нему не разрешали. Все документы для подписи я посылал Власову через его адъютанта, и он приносил их подписанными без единого исправления.

Впервые я, да и другие офицеры штаба, увидели Власова в Чисмене (под Волоколамском). А первый доклад я делал ему лишь в Волоколамске. Поэтому от начала операции до выхода армии в Волоколамск мне совместно с заместителем командующего армией полковником Лизюковым А.И. ... и членом ВС армии дивизионным комиссаром Куликовым П.Н. приходилось руководить действиями войск армии непосредственно самим» (108).

Первая встреча Сандалова с Власовым была весьма любопытной. «В полдень 19 декабря в с. Чисмены начал развёртываться армейский командный пункт. Когда я и член Военного совета Куликов уточняли на узле связи последнее положение войск, туда вошёл адъютант командующего армией и доложил нам о его приезде. В окно было видно, как из остановившейся у дома машины вышел высокого роста генерал в тёмных очках. На нём была меховая бекеша с поднятым воротником, обут он был в бурки.

Это был генерал Власов. Он зашёл на узел связи, и здесь состоялась наша первая с ним встреча. Показывая положение войск на карте, я доложил, что командование фронта очень недовольно медленным наступлением армии и в помощь нам бросило на Волоколамск группу Катуква из 16#й армии. Куликов дополнил мой доклад сообщением, что генерал армии Жуков указал на пассивную роль в руководстве войсками командующего армией и требует его личной подписи на оперативных документах. Молча, насупившись, слушал всё это Власов. Несколько раз переспрашивал нас, ссылаясь, что из-за болезни ушей он плохо слышит. Потом с угрюмым видом буркнул, что чувствует себя лучше и через день-два возьмёт управление армией в свои руки полностью. После этого разговора он тут же на ожидавшей его машине отправился в штаб армии, который переместился в Нудоль-Шарино» (109).

Что характерно, именно за Волоколамскую операцию Л.М. Сандалову было присвоено звание генерал-майора. Всю Клин-Солнечногорскую операцию, все телефонные переговоры с Жуковым, Шапошниковым и В.В. Курасовым (направленцем Генерального штаба) вёл только Сандалов.

И ещё. Леонид Михайлович Сандалов в отличие от Власова был образованным и опытным генералом, блестящим штабистом. Такие, как он, в 1941 году, к сожалению, были большой редкостью в Красной Армии. В 1920 году он окончил Ивано-Вознесенские пехотные курсы. Командовал взводом, был адъютантом батальона на Туркестанском и Южном фрон-

тах. С 1921 года – командир роты. В 1926#м окончил двухгодичную Киевскую объединённую школу командиров им. С.С. Каменева.

Три года службы – и вновь учёба, но только теперь в Военной академии им. М.В. Фрунзе. По окончании её в 1934 году Сандалов служил в штабе Киевского округа, а в 1936 году по рекомендации И.Э. Якира поступил в академию Генерального штаба. С сентября 1937 года – начальник оперативного отдела штаба Белорусского военного округа, с 1940 года – начальник штаба 4#й армии ЗОВО. С 30 июня по 23 июля – врид командующего 4#й армией Западного фронта. В августе – ноябре 1941 года – начальник штаба Центрального и Брянского фронтов (110).

Знания, приобретённые во время учёбы, опыт службы, глубокий аналитический ум позволили Л.М. Сандалову выработать широкий оперативный кругозор, редкое умение точно обобщать военные события и подчас принимать смелые решения.

Вступая в полемику с писателем В. Богомоловым, писатель Г. Владимов (автор книги «Генерал и его армия») сообщал: «В Германии Власов рассказывал, как в ноябре 1941#го Сталин вызвал его к себе, дал ему из своего резерва 15 танков и направил заместителем к командующему, который заново формировал 20#ю армию (расформированную после выхода из окружения под Вязьмой).

Власов застал командующего тяжело больным – действительно с конца ноября, числа с 25#го, – и принял от него командование. Имени своего предшественника он не назвал – либо из деликатности, либо из-за малой известности генерала Н.И. Кирюхина» (111).

Но всё было совершенно не так. Генерал-майор Николай Иванович Кирюхин действительно командовал 20#й армией. С октября 1942 года армия вела наступление на сычёвском направлении, но не имела успеха, за что Н.И. Кирюхин был отстранён от должности и в декабре 1942 года назначен заместителем командующего 29#й армией (112).

Писатель В.О. Богомолов провёл немало времени в Центральном архиве Министерства обороны. О его кропотливой работе мне лично рассказывали старожилы. Он очень скрупулёзно разбирался с вопросом назначения Власова командующим 20#й армией.

«Назначенный командующим 20#й армией 30 ноября 1941 года Власов с конца этого месяца и до 21 декабря болел тяжелейшим гнойным воспалением среднего уха, от которого чуть не умер, и позднее страдал упадком слуха, а в первой половине декабря – вестибулярным нарушением. Болезнь Власова и его отсутствие в течение трёх недель на командном пункте, в штабе и в войсках зафиксированы в переговорах начальника Генерального штаба маршала Б.М. Шапошникова и начальника штаба фронта генерала В.Д. Соколовского с начальником штаба 20#й армии Л.М. Сандаловым; отсутствие Власова зафиксировано в десятках боевых приказов и других документов, вплоть до 21 декабря подписываемых за командующего Л.М. Сандаловым и начальником оперативного отдела штаба армии комбригом Б.С. Антроповым» (113).

Однако всё, что сегодня касается фактов, подтверждающих неисполнение своих прямых обязанностей Власовым, как командующим войсками 20#й армии, до 19 (20–21) декабря 1941 года из-за болезни, в особенности для почитателей его «полководческого таланта» выглядит малоубедительным. Например, Алексей Исаев считает так: «Каждый командующий армией оставил после себя след в виде сонма приказов со своей подписью, по которым можно отследить периоды активного командования и дату вступления в должность. В фонде 20#й армии в ЦАМО РФ среди приказов автору удалось найти всего один, подписанный А.И. Лизюковым. Он датирован ноябрём 1941 г., и Лизюков в нём обозначен как командующий оперативной группой. После этого идут декабрьские приказы, в которых в качестве командующего армией называется генерал-майор А.А. Власов». Далее он пишет: «Самое удивительное, что один из первых боевых приказов 20#й армии подписан не Сандаловым. В качестве начальника штаба фигурирует некий полковник Лошкан. Фамилия “Сан-

далов” появляется на приказах, начиная с 3 декабря 1941 г. Правда, с появлением Сандалова приказы армии начинают печататься на машинке».

И ещё: «Как мы видим, на документе присутствуют две подписи – командующего армией и его начальника штаба. Подпись члена Военного совета появляется несколько позже...

Здесь перед нами ситуация, разительно отличающаяся от описанной в мемуарах. “Человек в бекеше” был не гостем, а хозяином в штабе 20#й армии к моменту прибытия в неё Л.М. Сандалова» (114).

Удивительная вещь получается: одним из аргументов в пользу того, что Власов командовал 20#й армией и был на хорошем счету, является не что иное, как характеристика, данная Андрею Андреевичу самим Жуковым! Подписана она 28 декабря 1942 года. Однако 28 января 1942 года Г.К. Жуков подписал подобную характеристику на генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова (можно предположить, что такие характеристики были написаны на всех командующих армиями Западного фронта. – *Прим. авт.*). В ней чёрным по белому написано: «Генерал-лейтенант Ефремов Михаил Григорьевич командует 33#й армией с конца октября 1941 года. Оперативный кругозор крайне ограничен. Во всех проведённых операциях неизменно нуждался в постоянном жестком руководстве со стороны командования фронтом, включительно тактического применения отдельных дивизий и расположения командного пункта армии. Приказы выполняются не в срок и не точно. Приходится всё время подстёгивать, за что имеет выговор в приказе.

Должности командующего армией не вполне соответствует. Целесообразно назначить командующим войсками внутреннего округа.

Командующий войсками Запфронта

Генерал армии Жуков

Член Военного совета Западного фронта Хохлов

28 января 1942 г.» (115).

Но неужели никто не знает сегодня кто такой Ефремов? Как он воевал и как он погиб?

А вот на Власова та самая: «Генерал-лейтенант Власов командует войсками 20 армии с 20 ноября 1941 года. Руководил операциями 20 армии: контрударом на город Солнечногорск, наступлением войск армии на Волоколамском направлении и прорывом оборонительного рубежа на р. Лама. Все задачи, поставленные войсками армии, тов. Власовым выполняются добросовестно. Лично генерал-лейтенант Власов в оперативном отношении подготовлен хорошо, организационные навыки имеет. С управлением войсками справляется вполне. Должности Командующего войсками армии вполне соответствует...» (116). Теперь вы понимаете цену таких характеристик?

И ещё хочется сказать об одном перле из этой характеристики. Генерал армии Жуков в ней подчёркивает, что Власов командует войсками 20#й армии с 20 ноября 1941 года. Однако зачем же его тогда искали через ГУК, запрашивая штаб Юго-Западного фронта, в двадцатых числах ноября? Никто, случайно, не знает?

А дело всё в том, что во всякого рода характеристиках и аттестациях временные рамки вполне относительны. Опираясь на них было бы весьма глупо. Та же болезнь генерала, уже находящегося на домашнем лечении, не могла повлиять ни на его награждения, ни на его очередные звания. Просто штатским людям совершенно невдомёк, что, когда офицер болеет, ему не надо брать больничный лист. Достаточно банальной справки или даже одного звонка вышестоящему начальнику. При этом денежное содержание начисляется без всяких изменений. Абсолютно со всеми надбавками. Так было всегда и так есть сегодня.

Другой момент. В Москву Сандалов прибыл 28 ноября 1941 года, а 10 декабря 1941 г. разговаривал с командующим фронтом Г.К. Жуковым. «В разговоре со мной по телефону он указал на недопустимо медленные темпы наступления армии и сказал, что наши войска

продвигаются только по дорогам вслед за отступающими частями противника, не выходят на фланги и в тылы неприятельским колоннам, не стремятся окружить врага...» (117)

Как вы думаете, почему к концу дня 10 декабря комфронта разговаривает с начальником штаба вновь сформированной армии, а не с её командующим? Или в это время Власов как раз подписывал очередной приказ и был занят? А ведь Жуков разговаривал с тем, кто реально командовал армией. Иначе это был бы именно Власов. Кстати сказать, уже в январе, разговаривая с Власовым, Жуков будет говорить практически о том же, что и теперь с Сандаловым!

Когда я сам лично знакомился с документами из фонда 20-й армии в ЦАМО, а в это время там работал и А. Исаев, то тоже своими собственными глазами видел подписи Власова.

И на боевых приказах от № 01 до № 015, и на приказах войскам 20-й армии («О бесперебойном снабжении частей питанием...», «Об организации службы ПХО...», «Об организации разведки...», «О действии при преследовании...», «О борьбе со вшивостями в частях...») (118).

Но мои глаза не округлились, потому что командующий вполне мог находиться в номере гостиницы Центрального Дома Красной Армии и, лёжа в постели, оставлять свои «каракули» на всех, привезённых ему адъютантом документах. Потому что до фронта тогда было рукой подать. И в этом нет ничего криминального. По крайней мере так оно и было. Вспомните, хотя бы очерк А.А. Бека «День командира дивизии», где он пишет, как добирался в 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию: «Утром 7 декабря я случайно узнал, что в дивизию только что повезли Гвардейское знамя, которое предполагалось вручить в этот же день с наступлением сумерек.

Не долго думая, я сел в метро и поехал к фронту. Поездки на фронт в эти дни не занимали много времени. На волоколамское направление маршрут был таким: на метро до станции “Сокол”; там пересадка на автобус № 21, курсировавший до Красногорска. Оттуда до линии фронта оставалось двенадцать – пятнадцать километров» (119). Но не забывайте, что у Власова в распоряжении, кроме личного адъютанта и врача, ещё был и автомобиль. Командующему без него никак!

Но есть и другие доказательства, не менее весомые. Например, историк из Санкт-Петербурга Кирилл Александров стреляет ими, как из табельного оружия: «Распространённое утверждение о том, что он не командовал армией 6—19 декабря “по причине воспаления среднего уха” – не более чем легенда. Во-первых, Власов был упомянут в сводке Совинформбюро в перечне отличившихся советских генералов уже 13 декабря, а во-вторых, 16 декабря на КП у Власова взял интервью американский журналист Л. Лесюер...» (120)

Если говорить о сводке Совинформбюро, то там, уж точно, не могли назвать фамилию Сандалова, хоть он и командовал армией, потому что, согласно занимаемой должности, он был начальником штаба. И не важно, болел командарм или не болел. В армии единоначалия никто не отменял. Ведь командир всегда прав, читайте устав.

Кстати сказать, Власов мог запросто слушать эту сводку, лёжа в кровати с врачом Агнессой Подмазенко.

Про интервью у Власова – вообще аргумент несостоятельный. Дело в том, что в тот же день, 13 декабря 1941 года вся первая страница газеты «Известий» была посвящена битве за Москву под заглавием: «В последний час. Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах к Москве». Внизу страницы были помещены девять фотографий героев этой битвы: генерала армии Г.К. Жукова (в центре), а также генерал-майора Д.Д. Лелюшенко, генерал-майора А.А. Власова, генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова, генерал-майора П.А. Белова, генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского, генерал-лейтенанта И.В. Болдина, генерал-лейтенанта артилле-

рии Л.А. Говорова. Но почему иностранные корреспонденты интервью берут прежде всего у Власова?

Да всё очень просто. Если говорить только о 20#й армии, то 4 декабря она полностью закончила сосредоточение и готовилась к наступлению, а в ночь с 5 на 6 декабря её части заняли исходное положение и получили приказ о времени атаки. Уже 8 декабря 1941 года разбитые части противника были выбиты из Красной Поляны. Дело в том, что из военных сводок тех дней Красная Поляна (райцентр Московской области) стала широко известной во всём мире. «По хвастливым уверениям немецко-фашистского командования, из этого, самого близкого к Москве пункта якобы хорошо видна в бинокль советская столица» (121). Более того, в числе трофеев воинов 20#й армии (свыше 30 танков и броневиков, много орудий, миномётов и личного оружия) оказалась привезённая накануне пушка калибра свыше 200 мм, из которой немцы рассчитывали обстреливать Москву». А рано утром 12 декабря Солнечногорск был полностью очищен от противника (122). Вот, собственно, и две главные причины, из-за которых командующий 20#й армией стал объектом фото# и телекамер. Как известно, советская пропаганда в этом случае не мешала, а даже, наоборот, принимала в этом самое активное участие. При этом нельзя забывать, как ещё утром 1 декабря 3#я танковая группа противника нанесла сильнейший удар, смяв поредевшие части группы Захарова, и устремилась вдоль Рогачёвского шоссе к Москве. Тогда же на стыке 1#й ударной и 20#й армий создалось угрожающее положение, а неожиданное появление танковых частей противника перед развёртывающимися частями 20#й армии привело их в замешательство. Пусть это были последние резервы противника, но угроза#то была реальной! По сути, всё решили считанные дни и ввод в сражение резервных армий, в том числе и 20#й. Отсюда любые победы под Москвой имели такой оглушительный успех. Не обошлось и без рекламных акций, в которых иногда страдает прежде всего истина. А Власову просто повезло, как и в первые месяцы войны.

Итак, Власов, поймав «золотую рыбку», становится «спасителем Москвы». Но происходит это не ранее 13 декабря 1941 года. Но почему-то у Владимира Батшева в его четырёхтомном труде «Власов» этот «спаситель» как-то не вяжется с истинной историей, написанной нашими предками. Я не буду говорить о хронологии боевых действий, которая у этого автора упоминается достаточно своеобразно, а остановлюсь лишь на вопросе принципиальном: когда Власов был на приёме у Сталина?

Первый раз вождь принял Андрея Андреевича 11 февраля 1942 года. Приём продолжался с 22.15 до 23.25. Общались они наедине один час десять минут.

Второй раз вождь принял Власова 8 марта 1942 года вместе с маршалом Шапошниковым, генералами Василевским, Жигаревым, Новиковым и Головановым с 22.10 до 24.00 (там же находились Ворошилов, Молотов, Берия, Маленков) (123).

Однако у Батшева Власов встречается с вождём накануне формирования 20#й армии, то есть в ноябре 1941 года. Там же он просит у Сталина танки, и тот выделяет ему аж пятнадцать штук (124). Но, как известно, 20#я армия вошла в строй армий Западного фронта только 29 ноября 1941 года и лишь 4 декабря полностью закончила сосредоточение (125). Если же говорить про танки, то к концу ноября 1941 года «Западный фронт получил пятнадцать отдельных танковых батальонов и свыше 100 танков на усиление действующих бригад...

Таким образом, в конце ноября немцы потеряли превосходство в танках. Но при нанесении контрударов 1–5 декабря танковые войска Западного фронта понесли значительные потери, а резервные армии в своём составе танковых бригад не имели. Вследствие этого к моменту перехода в контрнаступление враг сохранил в полосе Западного фронта небольшой перевес в танках – 980 против 720. Даже на направлениях главных ударов мы не имели превосходства в танках. Например, на правом крыле фронта (30#я, 1#я ударная, 20#я и 16#я

армии) в составе девяти танковых бригад и шести отдельных танковых батальонов насчитывалось 290 танков. Противник в этой же полосе сосредоточил около 400 танков. На левом крыле фронта (10, 50 и 49#я армии) в составе одной (112#й) танковой дивизии, двух танковых бригад и четырёх отдельных танковых батальонов было 140 танков против 300 танков противника.

Следовательно, на 6 декабря 1941 года гитлеровцы превосходили нас в танках на правом крыле Западного фронта в 1,3 раза, на левом крыле – в 2 раза, а в полосе некоторых армий ещё больше», – пишет полковник Ф. Тамонов (126).

В директиве штаба Западного фронта командующему 20#й армией № 0023 от 2 декабря 1941 г. о переходе в наступление на солнечногорском направлении говорилось: «Комфронтом приказал:

1. Дополнительно включить с 18 часов 2.12 в состав 20#й армии войска, ведущие бой на фронте – 7 гв. сд, 282 сп, 145, 24, 31#ю танковые бригады. Командарму 16 передать указанные части командарму 20...» (127)

То есть целые три танковые бригады забирали у армии Рокоссовского, чтобы отдать армии Власова.

Как пишется в книге «Разгром немецких войск под Москвой», «одновременно с наступлением 1#й ударной армии от Москвы в районах Лобня, Сходня, Химки и севернее сосредоточились войска 20#й армии (64, 35, 28, 43#я стрелковые бригады, 331#я и 352#я стрелковые дивизии) и выходили на рубеж Черная, Хлебниково, Мелькисарово, Усково между 1#й ударной и 16#й армиями. С этого рубежа армия по приказу командования фронта должна была начать частью сил наступление в общем направлении на Холмы, нанося контрудар во фланг группировке противника, вышедшей к Красной Поляне.

Во исполнение этого приказа армия с утра 2 декабря силами 331#й стрелковой дивизии и 28#й стрелковой бригады перешла в наступление с задачей разбить противника в районе Красная Поляна, Владычино, Холмы» (128).

Словом, контрудары 1#й ударной и 20#й армий, проведенные ограниченными силами, не дали особого территориального эффекта, но сыграли свою положительную роль в задержании наступления противника на столицу (129).

Теперь о вводе в бой переданных танковых бригад: «На солнечногорском направлении 4 декабря 20#я армия вела ожесточённые бои за краснополянский узел сопротивления. 8 декабря город Красная Поляна был освобождён. Армия, имея впереди танковые части, начала развивать наступление на Солнечногорск. 24#й танковой бригаде, которой командовал полковник В.П. Зелинский, была поставлена задача преследовать противника в северо-западном направлении, перерезать Ленинградское шоссе севернее Солнечногорска, не допустить отхода войск противника и подхода его резервов. 31#я танковая бригада полковника А.Г. Кравченко должна была вести наступление на Солнечногорск, обходя его с юга; 134#му отдельному танковому батальону предстояло нанести удар по солнечногорской группировке с юго-запада, а 135#му обеспечивать левый фланг армии. 24#я и 31#я танковые бригады, смело обходя опорные пункты врага, скрытно, по лесным дорогам, вышли на основные коммуникации гитлеровцев и, создав угрозу окружения, вынудили их к отходу. 12 декабря 20#я армия освободила Солнечногорск. Первой из танковых войск в город ворвалась 31#я танковая бригада» (130).

А как же миф про 15 танков? Всё дело в том, что почти всегда он несёт с собой не только событие, но и героя!

Кстати сказать, например, 145#я танковая бригада на 16 ноября 1941 года имела 67 танков (в т. ч. 9 KB, 29 Т-34, 29 лёгких), 31#я танковая бригада на 16 ноября 1941 года имела 44 танка (в т. ч. 3 KB, 12 Т-34, 29 лёгких), 24#я танковая бригада на 16 ноября 1941 года имела 37 танков (в т. ч. 3 KB, 11 Т-34, 23 лёгких танка).

Поэтому, когда читаешь у В. Батшева про «Спасителя Москвы» в книге «Власов», невольно обращаешь внимание на такие перлы: «Армии ещё не было, и Андрей Андреевич должен был её организовать из остатков разбитых полков и дивизий»; «Власов, несмотря на скудные силы, решился на контрнаступление. Это было рискованным, но казалось единственным средством, чтобы замедлить немецкое наступление»; «С несколькими танками, которыми Власов командовал лично, и моторизованными частями ему действительно удалось неожиданный прорыв немецкого фронта»; «На следующий день, 6 декабря, Власов принял второе решение, окончательно определившее судьбу боя за Москву, – он приказал продолжать контрнаступление, не имея точных сведений о положении противника»; «Почти сто километров гнала их 20#я армия Власова через Волоколамск до Ржева. Фронт пришёл в движение. Впервые германским дивизиям удалось нанести поражение. Москва была спасена, её спасителем был Власов» (131).

Если даже допустить, что генерал Сандалов в своих мемуарах соврал об отсутствии Власова в армии до 19 декабря, то вряд ли кто-то может усомниться в директивах штаба Западного фронта, на основании которых и действовала 20#я армия, как, впрочем, и другие. При этом маршал Рокоссовский в своих мемуарах отметил: «Наступление развивалось успешно. Соседняя справа 20#я армия, правда, медленно, но шла вперёд на солнечногорском направлении» (132).

О том, как командовал Власов в январе 1942 года, есть весьма любопытные свидетельства и документы.

Например, в директиве командующего войсками Западного фронта ещё от 9 декабря 1941 года подчёркивалось: «3. Практика наступления и преследования противника показывает, что некоторые наши части совершенно неправильно ведут бой, и вместо стремительного продвижения вперёд путём обходов арьергардов противника ведут фронтальный затяжной бой с ним. Вместо обходов и окружения противника выталкивают с фронта лобовым наступлением, вместо просачивания между укреплениями противника топчутся на месте перед этими укреплениями, жалуясь на трудности ведения боя и большие потери» (133).

Тем не менее Власов воевать по-другому не умел. «Середа запомнилась мне ещё и потому, что здесь у меня произошло столкновение с командующим 20#й армией Власовым. Мы имели сведения, что в Середи сосредоточились крупные силы противника и она хорошо подготовлена к долговременной обороне (особенно в восточной части по речке Мутня). Вокруг неё лежала открытая, по пояс заснеженная местность. К тому же наши разведчики обнаружили, что к Середи движется колонна пехоты противника со стороны станции Княжи Горы. В случае затяжного боя эти подкрепления могли навалиться на правый фланг группы. Я доложил в штаб армии обстановку и своё решение: узел сопротивления Середу обойти и продолжать развивать наступление на Гжатск. Очень быстро был получен ответ Власова: он приказал атаковать противника, оборонявшего Середу, ударом с севера вдоль шоссе и, захватив её, удерживать частью сил до подхода пехоты, главными же силами продолжать наступление. Атака в “лоб” хорошо организованной обороны, да ещё через открытую местность, по пояс в снегу, была делом слишком рискованным. Нам пришлось бы преодолевать зону плотного заградительного огня, неся неоправданные потери. Да и обстановка сложилась так, что для выполнения этого приказа часть сил необходимо было возвратит обратно. У меня не было иного выхода, как выполнять ранее поставленные частям задачи. Наступление развивалось успешно. Только что закончился бой за Красное Село с форсированием Рузы. В ходе его были уточнены дальнейшие задачи частям и соединениям, и они, не задерживаясь, продолжали развивать успех. 3#я гвардейская кавалерийская дивизия двинулась в обход Середы с северо-запада, 20#я дивизия – с юго-запада. Генерал Власов вновь вызвал меня к рации и потребовал доложить, как выполняется его приказ. Я подтвердил своё решение и постарался обоснованно доказать его целесообразность. Реакция, как и сле-

довало ожидать, была очень бурной. Власов приказал в установленный срок доложить ему, что Середа взята ударом “в лоб” с севера вдоль шоссе. Я не ответил и положил трубку. Он тут же вновь позвонил, но я приказал связисту ответить, что командир корпуса уже уехал в войска, чтобы организовать атаку на Середу “в лоб” вдоль шоссе. Такого рода военная хитрость помогла в отношениях с Власовым. Ведь иначе он мог прислать кого-нибудь из своих замов, и тогда казакам пришлось бы лезть по сугробам на плотный, хорошо организованный огонь противника», – вспоминал генерал И.А. Плиев (134).

А вот достаточно характерная выдержка из записи переговоров Г.К. Жукова с командующим 20#й армией генералом А.А. Власовым 28 января 1942 года:

«ЖУКОВ. Где же у вас главный удар?

ВЛАСОВ. Главный удар наносится на участке Петушки, Большие Триселы, где сгруппированы части группы Катукова, две стрелковые дивизии, главные силы кавкорпуса и 3 полка артиллерии. Всё.

ЖУКОВ. Тем более объясните мне, почему вы избрали такой метод действий, разбросав от Васильевского до Быково артиллерию и пехоту и поставив в ряд против огневых точек конницу? Я не могу разгадать вашего решения.

ВЛАСОВ. Докладываю: на правом фланге на фронте Васильевское до Аржаники действуют всего лишь три стрелковые бригады с одним артполком и дивизионом РС, которые действуют, согласно вашему приказанию, в направлении Зубцов, и главный удар здесь двумя бригадами со всеми указанными средствами усиления наносится от Кучино на Старое Устиново и далее на Зубцов. Все остальные части сосредоточены на указанном мною рубеже с целью прорваться на нём и действовать в направлении Карманово. Против Крутицы действует 55#я стрелковая бригада, которая имеет всего лишь около 100 бойцов. Для усиленной огневой мощи кавалерийского корпуса, а также для прорыва этого участка кавалерийскому корпусу приданы 35#я стрелковая бригада и 1#й гвардейский пушечный артполк. В резерве я имею всего лишь одну 17#ю стрелковую бригаду, которая почти не имеет ударной силы. Укомплектование людским составом задерживается, так как предназначенные эшелоны с пополнением до сего времени не прибыли, между тем как потери части несут большие. Всё.

ЖУКОВ. Не понял вас. Почему вы упорно атакуете противника, расположенного в крупных населённых пунктах? При этом пункты, имеющие хороший обстрел и взаимную огневую связь, и что вам обещает это направление, имеющее, как известно по карте, массу населённых пунктов, почему вы, например, не наступали на участке: Пустой Вторник, Аржаники, где, по нашим и по вашим [данным], противника нет, где он охраняется только разведкой?

ВЛАСОВ. Отвечаю: на участке Пустой Вторник, Аржаники противник вдоль дорог от Пустого Вторника до Аржаников, по разведанным, имеет также ряд блиндажей, кроме того, этот район минирован и охраняется противником, к этому рубежу очень трудно подойти, так как совершенно отсутствуют дороги, а снежный покров достигает свыше 60 сантиметров и совершенно не доступен для действий артиллерии. Всё.

ЖУКОВ. А участок Егорьевское, Митрофановское тоже минирован и тоже недоступен?

ВЛАСОВ. Данных о том, что этот участок минирован, нет. Мины встречаются лишь только по дорогам. Всё.

ЖУКОВ. А что бы сказал Суворов на вашем месте, если бы он увидел перед собой 60 сантиметров снега, остановился бы или нет?» (135).

Как бы кто ни относился к маршалу Жукову сегодня, но в этом разговоре с Власовым не трудно заметить, что он на порядок грамотнее «генерала-стахановца».

В своей книге Резун (Суворов) «Тень победы» с огромным удовольствием в доказательство необычайных талантов (своего собрата по измене) Власова приводит слова мар-

шала артиллерии Г.Е. Передельского: «Начало организации артиллерийского наступления в том виде, как предусматривалось директивой, было положено в наступлении 20#й армии на реке Ламе в январе 1942 года» (ВИЖ. 1976. № 11. С. 13) (136).

Однако давайте всё же послушаем генерала Сандалова: «Утром 6 января 1942 г. я приехал к начальнику штаба Западного фронта генералу В.Д. Соколовскому по его вызову. Он предупредил меня, что Ставка предполагает начать общее наступление всех фронтов.

– На правом крыле Западного фронта должна перейти в наступление на Шаховскую, Сычёвку ваша 20#я армия, – показывал он мне на карте с нанесённым на ней решением на наступление войск фронта...

Затем генерал Соколовский вручил мне только что подписанную директиву фронта на наступление и проект директивного письма Ставки, которое, по его словам, дня через два будет подписано. В этом письме, на основе передовой теории советского военного искусства о глубокой операции и с учётом предшествующих операций, Ставка дала подробные указания по организации и проведению наступательных операций. В письме говорилось, что прорыв вражеской обороны следует производить мощными ударными группами на узких участках. На поддержку и обеспечение ударных групп массировать все силы и средства. Артиллерийскую подготовку перед наступлением заменить артиллерийским наступлением...

После просмотра представленного мной решения на наступление 20#й армии Соколовский подчеркнул:

– Ваше решение, в основном, соответствует и нашей директиве, и директивному письму Ставки. Однако участок ударной группы надо несколько сузить.

Утром 7 января я зачитал командованию армии исправленный план армейской операции и проект боевого приказа армии.

– Ну вот, теперь всё приведено в соответствие с письмом Ставки, – сказал Куликов.

– Вы правы, – ответил я. – Армия наступает в направлении на Шаховскую в узкой, 20#километровой полосе. Прорыв будет производить ударная группа в составе группы Ремизова и Катуква и 352#й стрелковой дивизии. Участок прорыва ударной группы всего лишь 8 км. Второй эшелон ударной группы – морская и 55#я стрелковые бригады.

– А удалось ли достичь артиллерийской плотности, указанной в письме Ставки? – поинтересовался Куликов.

– Плотности на один километр участка прорыва достигают 76 орудий и миномётов и 12,5 танка, – ответил я. – Таких плотностей удалось достичь впервые за войну. На поддержку прорыва выделен 601#й бомбардировочный авиаполк, а осуществлять противовоздушную оборону операции назначена 47#я истребительная авиадивизия. Да и большая часть авиации фронта будет брошена на помощь нашей армии.

– А корпус Плиева? – спросил Куликов.

– Усиленный гвардейский кавалерийский корпус планируется ввести на второй день операции, – ответил я. – Войска займут исходное положение для наступления в ночь с 8 на 9 января, а наступление начнётся утром 9 января после полуторачасовой артиллерийской подготовки, – огласил я концовку...» (137)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.